

СЕРИЯ «АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

**ЗАМОРОЗКА
СИСТЕМЫ**
АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Абсолютный Ноль:
Заморозка Системы**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Абсолютный Ноль: Заморозка Системы / Н. Патчер — «Автор», 2026

Вадим Лебедев, инженер-физик и специалист по глубокому криогенному охлаждению, переносится в мир Системы в разгар войны стихий. Пока боевые маги хвастаются огненными смерчами и молниями, Вадим получает насмешливый статус . Все считают, что это слабый ледяной маг поддержки. Но Вадим знает физику: температура — это скорость движения молекул, а магия — это поток высокоэнергетических частиц. Способность Вадима позволяет откачивать тепловую энергию вплоть до Абсолютного Нуля ($-273.15\text{ }^{\circ}\text{C}$). При нуле Кельвина законы магии ломаются: фаерболы архимагов превращаются в твердые кристаллы кислорода и падают на землю, стальные мечи паладинов становятся хрупкими, как тонкое стекло, а рейдовые боссы застывают на молекулярном уровне. Добро пожаловать в мир, где тепло больше не существует!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Теплостмкость перерождения	6
Глава 2. Сверхпроводимость эфира	15
Глава 3. Город в лавовом каньоне	24
Глава 4. Вход в Пещеры Магмы	32
Глава 5. Хрупкость каленой стали	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нейтон Патчер

Абсолютный Ноль: Заморозка Системы

НЕЙТОН ПАТЧЕР

МОНОПОЛИЯ КОСТЕЙ:

ХОЗЯИН МЕРТВОЙ ИМПЕРИИ

Серия «Абсолютный Ноль» • Книга 1

Глава 1. Теплостойкость перерождения

Аварийный зуммер четвертого контура не визжал — он хрипел, захлебываясь в ультразвуковой вибрации сорванного фланца.

В криогенном цехе научно-производственного комплекса «Север-Крио» на высоте семи метров над решетчатым настилом хлестала струя белого, обманчиво плотного пара. Это был не пар. Это была термодинамическая смерть в чистом виде: жидкий гелий под давлением в тридцать атмосфер, разогревающийся от контакта с воздухом цеха и расширяющийся в сотни раз каждую секунду.

Температура кипения гелия — 4,2 Кельвина. Минус двести шестьдесят девять по Цельсию. Почти абсолютный предел, у которого замирает само движение материи.

— Вадим Сергеевич, магистраль «Б» срезало! — орал в гарнитуру интеркома стажер Костя, чей голос срывался на визгливый фальцет сквозь треск статических разрядов. — Автоматика сброса заблокирована! Задвижка номер четыре заклинила на двадцати процентах хода! Давление в танке... пятьдесят кубов... если сорвет донный клапан, будет фазовый взрыв! Нас по кирпичам по всему району размажет!

Тридцать четыре года. Ведущий инженер криогенных установок, кандидат физико-математических наук по специальности низкотемпературной теплофизики. Вадим Лебедев не молился, не паниковал и не вспоминал детство. В его сознании, очищенном ледяным адреналином до состояния кристалла кварца, вспыхнула мгновенная трехмерная схема распределительного узла.

Пятьдесят тысяч литров жидкого гелия. Если произойдет взрыв расширяющегося пара вскипающей жидкости — так называемый BLEVE-эффект — эквивалент детонации составит несколько тонн тринитротолуола. Но хуже взрывной волны будет другое: цепная декомпрессия соседних резервуаров с водородом. Сгорит весь жилой сектор за заводской стеной.

— Костя, глуши компрессоры первой ступени и уводи смену в бункер, — голос Вадима прозвучал противоестественно ровно, перекрывая рев свистящего газа. — Вручную отсеку.

— Вадим Сергеевич, там же минус двести в факеле! Криокостюм не выдержит!

— Бункер, Костя. Быстро.

Лебедев уже бежал по скользким металлическим ступеням вверх, на открытую эстакаду. В руках — тяжелый полутораметровый рычаг-вороток из титанового сплава.

Воздух вокруг магистрали превратился в молочно-белую взвесь. Азот и кислород, содержащиеся в обычном комнатном воздухе, мгновенно вымораживались прямо в полете, оседая на решетках перекрытий хлопьями твердого кислородно-азотного снега. Каждый вдох обжигал трахею даже через фильтры защитной маски. На лицевом щитке намерзала корка инея.

Вот он — дублирующий ручной привод клиновой задвижки. Огромное стальное маховое колесо, покрытое пятисантиметровым слоем ледяной шубы.

Вадим вбил титановый вороток между спицами маховика.

Металл кричал. Вязкость конструкционной стали при температуре жидкого гелия падала до нуля, она становилась хрупкой, как оконное стекло. Малейший перекосяк — и шток срежет.

Первый толчок всем весом. Десятью килограммами массы, мышцы свело судорогой.

Хрусь.

Шток сдвинулся на пол-оборота. Свист вырывающегося газа изменил тональность, взвизгивая до поросычьего визга. Магистраль сотрясла вибрация такой силы, что с потолочных ферм посыпалась стекловата термоизоляции.

Еще рывок. Провернулся еще на четверть.

И в этот момент сорвало аварийную заглушку байпаса прямо над его головой.

Удар плотной струи жидкого гелия пришелся в левое плечо и грудь. Термокостюм шестого класса защиты не спас — он просто не был рассчитан на прямое погружение в криогенный водопад под давлением в три десятка атмосфер. Вакуумная прослойка ткани мгновенно потеряла изоляционные свойства, схлопнувшись от чудовищного градиента температур.

Боль длилась ровно полсекунды. Нервные окончания не успели передать в мозг сигнал о разрушении — они просто остекленели, превратившись в безжизненные кремниевые нити. Ткань куртки вместе с кожей и мышцами левого плеча стала твердой, как гранит.

Но правая рука всё еще держала рычаг.

«Один оборот. Осталось семьдесят градусов дуги», — отрешенно зафиксировал рассудок Вадима.

Он не чувствовал своего тела. Тепло покидало его организм с яростной, математически выверенной скоростью. Согласно закону Фурье, тепловой поток пропорционален градиенту температуры. Разница в триста градусов между теплой кровью живого человека и бушующим гелием создавала такой поток, словно в его груди открылась черная дыра, высасывающая саму кинетическую энергию атомов.

Вадим навалился на вороток всем телом, используя собственную замерзающую плоть как мертвый, негнущийся противовес.

Клац!

Запорный клин сел в седло. Свист утих. Стрелка дифференциального манометра на контрольной панели дернулась и рухнула в зеленую зону. Емкость была изолирована. Взрыва не будет.

Лебедев попытался сделать вдох, но легкие внутри грудной клетки превратились в два застывших монолита из замерзшего белка и льда. Он покачнулся. Хрупкие, заиндевелившие ткани треснули без единой капли крови. Последнее, что он услышал перед тем, как мир погас, был сухой, похожий на треск разбитой фарфоровой чашки звук его собственного остановившегося сердца.

Темнота не была вечной.

Она распалась не на свет, а на структурированные информационные потоки. Перед глазами Вадима — если у бестелесного сгустка сознания вообще могли быть глаза — развернулось бесконечное, пульсирующее геометрическое пространство.

Оно напоминало циклопический зал распределительного узла, выстроенный из мерцающих золотом, лазурью и багрянцем полигональных решеток. Вокруг дрейфовали тысячи, миллионы мерцающих искр. Человеческие души.

И над всем этим безмолвным океаном транзитных сущностей гремел лишенный эмоций синтезированный глас, проникавший в самую основу восприятия:

[ВНИМАНИЕ. ЗАВЕРШЕН ПЕРВИЧНЫЙ СБОР ДУШ ИЗ СЕКТОРА 804-ЗЕМЛЯ.]

[ГЛОБАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ЭНТРОПИИ.]

[ПРОИЗВОДИТСЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЛАССОВЫХ МАТРИЦ.]

[ВЫБЕРИТЕ ВАШ ПУТЬ В НОВОМ МИРЕ.]

Перед Вадимом материализовался исполинский полупрозрачный интерфейс, пестрящий сотнями вкладок. Вокруг стоял ментальный гул. Души метались в экстазе, панике и неистовом восторге.

— Огонь! Я беру [Пламенного Лорда]! Сжигать врагов дотла! — пульсировала яростным алым цветом соседняя искра.

— [Пиромант Разлома]! Только атака! Вся сила в первородном взрыве! Сила огня правит миром!

— [Пепельный берсерк]! [Магистр лавового клинка]! [Владыка очищающего пламени]!

Девяносто процентов доступных человеческому восприятию душ ослепляла первобытная, обезьянья тяга к огню. Для дикаря огонь — это спасение от ночного мрака, тепло и оружие. Для среднего обывателя огонь — синоним абсолютной мощи, кинетический взрыв, пожирающая стихия, приносящая быстрый и очевидный результат.

Вадим скользнул внутренним взором по древу предложенных базовых стихий:

[Огонь] — [Вода] — [Воздух] — [Земля] — [Свет] — [Тьма]

«Какая примитивная классификация, — с холодной усмешкой подумал криоинженер. — Мышление средневековых алхимиков, положенное в основу системного кода».

Он перевел взгляд на вкладку [Водная магия], в недрах которой стыдливо жались подклассы:

[Маг Льда (Базовый)]

[Адепт Морозной Стрелы]

[Шаман Снежного Покрова]

Описание гласило: *«Используйте ману для преобразования воды в твердые ледяные сосульки, замораживайте лужи, наносите колющий урон стужей...»*

— Бред, — беззвучно констатировал Вадим. — Тратить ману на создание кристаллов воды, чтобы бросать их как камни? Детский сад. Ошибка в базовых постулатах.

Система будто споткнулась о его мысль. Золотистые символы перед его глазами дрогнули:

[Зафиксировано концептуальное противоречие рецепиента с базовой номенклатурой.]

[Поясните структуру запроса для синхронизации с Системным Ядром.]

Лебедев усмехнулся. Научный базис, отточенный годами расчетов фазовых диаграмм и кривых теплоемкости, не исчез вместе с физической оболочкой.

«Холода не существует как субстанции, — сформулировал он жесткий, математически строгий мысленный импульс прямо в интерфейс Системы. — Огонь — это процесс окисления или плазменное излучение возбужденных частиц. Лед — лишь агрегатное состояние оксида водорода. Вы наделяете холод сущностью элемента, но термодинамически холод — это просто отсутствие энергии. Это замедление броуновского движения. Это переход системы из высокоэнергетического хаоса в состояние с минимальной энтропией. Мощь не в том, чтобы создать кусок мерзлой грязи. Мощь в том, чтобы отнять у цели тепло. Мгновенно. До нуля Кельвина».

Интерфейс перед Вадимом покрылся рябью артефактов. Золотистые буквы побледнели, наливаясь тяжелым, мертвенным фиолетово-синим свечением. Пространство вокруг него словно уплотнилось, отсекая вопли жаждущих пламени душ.

[Глубокий семантический анализ тезиса...]

[Закон Клапейрона-Клаузиуса... Третье начало термодинамики... Принцип минимизации энтропии...]

[Внимание: подтверждена аномальная глубина резонанса с фундаментальными законами мироздания.]

[Базовые классы магии Воды и Льда аннулированы как несоответствующие уровню понимания субъекта.]

[Генерация уникального классового архетипа на стыке Техномагии и Метафизики Теплопереноса...]

Перед Вадимом вспыхнуло окно, пульсирующее абсолютно черным светом — цветом абсолютного отсутствия теплового излучения:

|| **ПОЛУЧЕН УНИКАЛЬНЫЙ ПЕРВИЧНЫЙ КЛАСС:** ||
|| **[КРИО-ИНЖЕНЕР / ЭНТРОПИЙНЫЙ ОХЛАДИТЕЛЬ] (Ранг: Мифический / 0-й)** ||

	****Специализация:**** Прямое управление термодинамическими потенциалами.	
	****Концепт:**** Прекращение кинетической активности материи.	
	****Классовая особенность:**** Вместо созидания "магического льда", вы	
	выкачиваете тепловую энергию из окружающего пространства и биологи-	
	ческих объектов, аккумулируя ее или сбрасывая в энтропийный вакуум.	
	****Параметры интеграции:****	
	Интеллект: +15	
	Восприятие градиента: +10	
	Теплємкость ядра маны: 50,000 Дж (Базовый аккумулятор)	

****[Внимание: в связи с выбором неортодоксального пути, стартовое снаряжение модифицировано под ваши физические представления.]****

****[Направлена материализация носителя в точку пространственного схождения.]****

****[Локация высадки: Сектор 404 — Серные Пустоши. Уровень опасности: Высокий.]****
— Серные Пустоши? — успел хмыкнуть Вадим. — Идеальный полигон. Огромная разница температур. А значит — колоссальный КПД тепловой машины.

Пространство схлопнулось.

Физический мир обрушился на Вадима с сокрушительной яростью молота.

Первым чувством был удушливый, едкий смрад. Пахло горелой резиной, тухлыми яйцами, перегретым железом и раскаленным базальтом. Легкие обожгло сухим, шершавым жаром. Воздух имел температуру никак не меньше шестидесяти пяти градусов по Цельсию — словно в открытой парилке промышленного масштаба, куда вместо березового веника плеснули серной кислотой.

Вадим стоял на коленях, упираясь руками в раскаленный, крупнозернистый песок. Песок был грязно-оранжевого, ржавого цвета, и от него поднималось тяжелое марево оптических искажений.

Он поднялся на ноги. Тело было новым — крепким, мускулистым, лишенным прежних мелких травм и шрамов, но полностью узнаваемым. На нем был плотный, матово-серый комбинезон из неизвестного волокна с высоким воротом и тяжелые ботинки с подошвой из вспененного композита с нулевой теплопроводностью.

А на руках...

Вадим поднял кисти к глазам. На пальцах и предплечьях тускло отливали композитным титановым блеском [Крио-перчатки]. На тыльной стороне ладоней пульсировали крошечные кристаллические капилляры, ветвящиеся к кончикам пальцев, а на запястьях тускло светились миниатюрные диски индикаторов давления и температуры.

В голове мгновенно всплыла системная подсказка:

****[Предмет: Крио-перчатки Абсолютного Градиента (Связанное артефактное снаряжение, Ранг: Редкий)]****

Служат внешним теплообменником для вашего классового ядра. Позволяют проводить тепловые потоки через пальцы без разрушения органических тканей носителя. Встроен контур нулевого термического сопротивления.

****[Текущее состояние среды:]****

Температура воздуха: +68,4 °C.

Влажность: 4%.

Атмосферное давление: 795 мм рт. ст.

Статус: Легкий перегрев. Здоровье: 98/100 (деградация 0.2 НР в минуту от теплового удара).

— Термическое сопротивление — ноль, говорите? — прошептал Вадим пересохшими губами.

Он мысленно коснулся классового ядра внутри своего естества. Там, где у обычных магов, вероятно, плескалось лазурное озеро маны или пылал костер ярости, у него находилась пустая, бездонная, абсолютно холодная сингулярность. Идеальный теплоприемник. Термодинамический сток.

Вадим сжал кулаки.

Вжих.

Тонкие синие линии на перчатках вспыхнули ровным неоновым светом. Он активировал **энтропийный контур нулевого сопротивления**.

Эффект наступил незамедлительно. Вместо того чтобы возводить вокруг себя щиты из плотной магии, отталкивающие жар пустошей, Вадим просто позволил контуру работать по законам теплообмена. Жар, давивший на его тело снаружи, устремился в перчатки, подчиняясь естественному стремлению энергии переходить от горячего к холодному. Поток тепла потек по капиллярам костюма, охлаждая кожу до комфортных двадцати двух градусов, и бесследно исчезал в аккумуляторе ядра.

Полоска здоровья замерла на 98 и перестала падать.

Вадим выпрямился во весь рост и огляделся. Пейзаж вокруг заслуживал кисти безумного сюрреалиста. Серные Пустоши простирались до самого горизонта — волнистые барханы ядовито-желтого и бурого песка, испещренные глубокими трещинами, из которых лениво выбивались струйки синеватого пламени. В небе, затянутом свинцово-охряным смогом, висело тусклое, багровое светило, больше похожее на остывающий шлак металлургической печи.

И тишина. Зловещая, гудящая тишина выжженной земли, нарушаемая лишь редким шипением газовых гейзеров.

Но тишина длилась недолго.

Примерно в пятидесяти метрах к востоку от него один из песчаных барханов внезапно взорвался фонтаном раскаленного гравия.

Из глубины недр на поверхность выметнулась тварь.

Вадим не дрогнул. Он медленно опустил центр тяжести, расставив ноги на ширину плеч, как привык стоять у вибрирующих агрегатов высокого давления. Аналитический аппарат его мозга заработал с тактовой частотой квантового процессора.

Существо напоминало пса, но анатомия была кошмарно искажена природой этого огненного мира. Размером с матерого кавказского волкодава, весом навскидку под восемьдесят килограммов. Вместо шерсти — пластинчатая чешуя из спекшегося базальта, между стыками которой пульсировало жидкое, оранжевое свечение. Из пасти капала шипящая лава, прожигая песок до стеклянных воронок. Глаза чудовища представляли собой две щели, наполненные кипящей магмой.

Над головой монстра вспыхнула системная плашка:

[Серный Огненный Пес (Мутант теплового разлома). Уровень: 4]

[Классификация: Магматический хищник]

[Температура ядра: ~1100 °C]

[Статус: Агрессивен. Чует чужеродный источник низкой энтропии.]

Тварь зарычала — звук походил на гул включившейся мазутной форсунки в котельной. Для существа, порожденного пламенем и питающегося жаром, Вадим был невероятной аномалией. Пятном неестественной прохлады, оскорблением самой сути этой раскаленной биосферы.

Пес припал на передние лапы. Когти из черного обсидиана вспороли грунт.

БАХ!

Под задними лапами твари детонировал сгусток серного газа, придав ей колоссальное стартовое ускорение. Огненный пес преодолел тридцать метров за секунду, превратившись в пылающий алый болид. Пасть распахнулась, обнажая клыки из раскаленного кремния, от которых расходились концентрические волны удушающего жара.

Обычный новичок-попаданец в этот момент либо попытался бы откатиться в сторону, упав на горящий песок, либо в панике выставил бы вперед руки с криком «Водяной шар!».

Вадим Лебедев не сделал ни того, ни другого.

Он стоял на месте, холодно и отрешенно оценивая физические параметры приближающегося объекта:

«Масса: ~85 килограммов. Скорость сближения: 22 метра в секунду. Кинетическая энергия: порядка 20 килоджоулей. Основной поражающий фактор: тепловой контакт и механический разрыв. Температура поверхностного слоя: 800-900 градусов Цельсия. Удельная теплоемкость базальтовой органики... примем за 0,84 килоджоуля на килограмм на Кельвин».

Пес взмыл в финальном прыжке, целясь мощными челюстями прямо в горло инженера. Из глотки твари вырвался язык чистого белого пламени.

Вадим сделал короткий, выверенный полшаг влево, уходя с траектории кинетического удара. Ровно настолько, чтобы туша монстра пролетела в пяти сантиметрах от его груди. Жар от чешуи опалил брови, но комбинезон поглотил лучистую энергию без следа.

И в этот критический миг, когда пес находился в фазе невесомости прямо перед ним, Вадим вскинул руки.

Обе крио-перчатки врезались в тело зверя. Правая пятерня намертво вцепилась в загривок монстра, между базальтовыми щитками, прямо в пульсирующую вену жидкого огня. Левая ладонь жестко легла на нижнюю челюсть твари, фиксируя ее голову.

— Сброс потенциала, — произнес Вадим негромким, металлическим голосом. — Откачка тепла. Режим: фазовый коллапс.

Ядро в груди инженера распахнулось.

Это не было заклинанием. Это был физический насос. Энтропийный контур нулевого сопротивления замкнулся накоротко между телом огненного пса (температура +1100 °C) и абсолютным стоком классового ядра (условный потенциал: -273,15 °C).

Возник чудовищный градиент температур почти в полторы тысячи Кельвинов на плече контакта длиной менее одного сантиметра.

Закон теплопередачи сработал с безжалостностью гильотины.

Воздух между ладонями Вадима и шкурой монстра не нагрелся — он мгновенно схлопнулся в вакуумную каверну с оглушительным звуком *ХЛОП*, словно лопнул гигантский пузырь из толстого стекла. Тепловая энергия хлынула из тела пса в перчатки Вадима с такой бешеной плотностью потока, что титановые накладки за доли миллисекунды покрылись не инеем, а толстой коркой твердого углекислого газа, вымороженного прямо из серного дыма.

УИИИ-И-И-И-К!

Визг монстра захлебнулся в горле.

Это не было звуком боли — это был звук физического разрушения структуры. Жидкая магма внутри вен чудовища не остывала постепенно, переходя в вязкую смолу. Нет. Скорость отбора тепла превысила скорость теплопроводности биологических тканей в миллионы раз.

Произошло то, что в материаловедении называют термическим ударом экстремального масштаба с глубокой витрификацией.

Огненный цвет в глазах пса потух за сотую долю секунды. Ослепительно-оранжевый сменился тускло-вишневым, затем пепельно-серым, а потом...

Потом по телу монстра прокатилась волна абсолютного мрака.

Температура его тканей рухнула через ноль Цельсия, пробила минус сто, с грохотом провалилась в область кипения жидкого азота — минус сто девяносто шесть по Цельсию — и устремилась еще ниже.

Эффект Лейденфроста, обычно защищающий влажные объекты от мгновенного промерзания, здесь не работал: теплу просто некуда было рассеиваться, его высасывали силой системного закона прямо в бездонный карман.

Вода, углерод, кремний и магматические силикаты, составлявшие тело зверя, мгновенно перешли в стеклообразное, аморфное состояние. Все молекулярные связи застыли в неравновесном хаосе. Линейное сжатие вещества при таком температурном перепаде породило внутри тела пса внутренние напряжения колоссальной силы — сотни мегапаскалей на квадратный миллиметр.

Пес замер прямо в воздухе. Его мускулы, застывшие в позе прыжка, превратились в монолитные куски сверххрупкого, темно-синего криостекла, покрытого тончайшей паутиной микротрещин.

Вадим разжал пальцы.

Остекленевшая туша весом в восемьдесят килограммов рухнула на раскаленный песок Пустошей. Но она не покатилась и не взрыла грунт. Она ударилась с глухим, чистым, хрустальным звоном — *динь-и-и-ль* — словно на булыжники уронили массивную люстру из богемского хрусталя.

На кончиках крио-перчаток курился плотный, тяжелый туман стекающего жидкого кислорода.

Вадим стоял над застывшим монстром, ровно и размеренно дыша. В его груди, в аккумуляторе ядра, приятно гудела поглощенная энергия. Это было удивительное, ни с чем не сравнимое чувство: он не устал. Напротив, процесс забора тепла наполнил его тело бодростью, словно он выпил чашку крепчайшего двойного эспрессо. Закон сохранения энергии работал безукоризненно: изъятое тепло конвертировалось во внутренний рабочий потенциал.

Перед глазами с торжественным перезвоном всплыла лавина системных сообщений:

```
|| **ЛОГ БОЕВОЙ СИСТЕМЫ:** ||
||
|| Противник: **[Серный Огненный Пес (Ур. 4)]** — Нейтрализован. ||
|| Метод: Глубокая энтропийная дестабилизация / Термический коллапс. ||
||
|| **ПОГЛОЩЕНО ТЕПЛА: 45,000 ДЖОУЛЕЙ.** ||
|| Энергия успешно направлена в теплоемкостный накопитель ядра. ||
|| Заполненность накопителя: 45,000 / 50,000 Дж (90%). ||
||
|| Температура цели снижена: с +1100 °C до -196,4 °C (76,75 K). ||
|| Структурная целостность цели: 0,01% (Критическая хрупкость). ||
||
|| **ВЫПОЛНЕНО УСЛОВИЕ ПЕРВОЙ ФАЗОВОЙ ДЕКОМПРЕССИИ.** ||
|| **РАЗБЛОКИРОВАН НАВЫК:** ||
|| **[Откачка энтропии: Жидкий Азот] (Уровень 1)** ||
|| *Тип: Активный / Контактно-направленный.* ||
|| *Позволяет мгновенно охлаждать материю в радиусе до 2 метров до точки* ||
|| *кипения азота, провоцируя фазовый шок и деструкцию кристаллических* ||
|| *решеток. Поглощенная теплота восполняет ваш резерв сил.* ||
||
|| Получено опыта: 450 ед. ||
```

|| До следующего уровня: 50/500 ед. ||

Вадим с холодным любопытством опустил взгляд на замерзшее чудовище.

Сквозь полупрозрачную, потемневшую плоть, остывшую почти до минус двухсот градусов, просвечивали замерзшие внутренности. Бывшая лава превратилась в хрупкий обсидиановый шлак. На поверхности базальтовой чешуи шипел конденсат: горячий воздух Пустошей пытался согреть ледышку, но градиент был слишком велик, и влага мгновенно замерзала, образуя толстую шубу белого инея посреди раскаленного ада.

Лебедев занес ногу и нанес легкий, почти небрежный пинок носком тяжелого ботинка по остекленевшему боку зверя. Он приложил усилие не больше пяти ньютонов — столько требуется, чтобы столкнуть со стола яблоко.

ДЗЫ-И-ИНЬ!

Звук был оглушительным по своей чистоте.

Восьмидесятикилограммовая туша магматического хищника не покатилась по песку. От точки соприкосновения с ботинком с гиперзвуковой скоростью разбежалась радиальная сеть интерференционных трещин.

В следующее мгновение пес просто... осыпался.

Он распался на сотни тысяч мельчайших, идеальных кубических кристаллов сине-черного стекла размером с крупицу сахара. Никакой крови, никаких разорванных жил или внутренних. Только звенящая, холодная алмазная пыль, которая образовала на ржавом песке аккуратный холмик, сверкающий мертвенным лазурным блеском в лучах умирающего багрового солнца.

Один из кристаллов подкатился к носку его ботинка. Вадим наклонился, поднял его пальцами в крио-перчатке. Кристалл мгновенно испарился, оставив лишь микроскопическую крупицу серого кремния.

— Сорок пять килоджоулей, — негромко произнес Вадим в пустоту, глядя на индикатор на своем запястье. Шкала накопителя горела ровным фиолетовым светом, заполненная почти под завязку. — Один пес дал сорок пять тысяч ватт-секунд чистой работы. А вокруг меня — тысячи квадратных километров раскаленной пустоши. Миллиарды гигаджоулей бросовой тепловой энергии, запертой в песке, магме и этих тварях.

Он поднял голову.

Вдалеке, за линией искривленных жаром песчаных дюн, поднимались к небу исполинские черные базальтовые пики. Из расщелин между ними били столбы багрового пламени, и до чуткого слуха инженера донесся многоголосый, яростный вой целой стаи серных хищников. Они чувствовали смерть своего сородича. Они жаждали сжечь наглого пришельца, посмевшегося принести холод в их владения.

Лебедев медленно размял пальцы. Суставы крио-перчаток отозвались тихим металлическим щелчком. На лице инженера впервые с момента аварии на станции появилась тень улыбки — тонкой, острой, как лезвие скальпеля, и абсолютно беспощадной.

Все эти попаданцы, выбравшие путь огня... Они пришли в чужой мир сжигать, разрушать, тратить энергию в бессмысленных вспышках ярости. Они тратили ману на поддержание пламени, борясь с энтропией и неизбежно проигрывая ей на длинной дистанции.

Вадим Лебедев пришел за другим.

Он не собирался бороться с теплом. Он собирался забрать его всё. Каждую калорию, каждый джоуль кинетического движения частиц этого мира, пока все огненные боги, магматические демоны и владыки пламени не превратятся в застывшие, звенящие хрустальные статуи у его ног.

— Теплоемкость — отличная штука, — сказал Кριο-Инженер, делая свой первый уверенный шаг вглубь Серных Пустошей. — Жаль только, что этот мир еще не знает, что такое абсолютный ноль. Но я его научу.

Глава 2. Сверхпроводимость эфира

Жар Серных Пустошей не просто висел в воздухе — он обладал плотностью, весом и собственным злобным ритмом.

Каждый вдох неподготовленного человека здесь превратился бы в ожог трахеи третьей степени: атмосфера представляла собой адскую взвесь из парообразного диоксида серы, летучих углеводородов, микроскопических базальтовых игл и раскаленного докрасна кварцевого песка. На горизонте плавилось кроваво-медное солнце, его лучи рассеивались в слоистых облаках метанового дыма, окрашивая изломанные гребни дюн в цвет запекшейся артериальной крови.

Вадим Лебедев размеренно шел вперед. Тяжелые композитные ботинки его модифицированного защитного комбинезона глубоко уходили в хрустящую корку спекшегося шлака, но шаг оставался ровным, почти метрономическим. Внутренний теплообменник костюма тихо гудел в районе лопаток, сбрасывая избытки температуры во вторичные накопительные контуры.

На запястье инженера слабо пульсировал полупрозрачный голографический интерфейс Системы:

[Инженерный статус: Вадим Лебедев]

[Класс: Крио-Архитектор (Уникальный / Неинициализированный)]

[Уровень: 1]

[Текущая температура ядра: 294.15 К (+21.0 °C)]

[Внешняя температура среды: 384.65 К (+111.5 °C)]

[Внутренний накопитель энтальпии: 45 000 Дж / 50 000 Дж]

[Статус магических каналов: Стабильны. Сопротивление проводников: 14.8 Ом/эф]

— Пятьдесят килоджоулей лимита на первом уровне — смехотворно мало, — тихо пробормотал Вадим, не обращая внимания на треск электрических разрядов, время от времени проскакивающих между зубцами базальтовых скал по левую руку. — Но даже этот объем энергии — рычаг. А если у тебя есть точка опоры в виде законов сохранения, можно перевернуть к чертям собачьим всю эту вашу магическую экосистему.

Он остановился перед естественной котловиной — глубоким разломом в застывшей лавовой плите. Стены разлома состояли из черного обсидиана, гладкого, как зеркало, и надежно защищали дно от порывистого суховея. Идеальное место для первичной калибровки.

Лебедев опустился на одно колено. Суставы крио-перчаток отозвались мягким шелестом сервоприводов. Он коснулся ладонью монолитной базальтовой плиты. Камень под пальцами был горячим, около девяноста градусов Цельсия — достаточно, чтобы за считанные секунды сварить белок.

— Начнем с классической физики, — произнес Вадим. В его голосе не было ни страха, ни трепета перед неведомой Системой, подчинившей этот мир. Только сухое любопытство исследователя, оказавшегося перед новой лабораторной установкой. — Вся эта так называемая «мана»... В интерфейсе она обозначена как «эфирные потоки». Но распространяется она по организму через нервные узлы и сосудистые микроканалы точно так же, как электрический ток по проводникам. А раз есть ток, есть закон Ома. И есть сопротивление.

Он сосредоточился на точке в центре своей груди — источнике, который Система упорно именovala «Эфирным Ядром».

Большинство магов, если верить базовой системной справке, стремились разогревать свои ядра. Они «распаляли внутренний огонь», «увеличивали ярость потока», перегружая каналы высокоэнергетическими вибрациями. Чем выше плотность потока, тем сильнее разо-

грев. Чем сильнее разогрев, тем выше термическое рассеяние — закон Джоуля-Ленца. Девяносто процентов магической энергии тупо уходило в тепловой паразитный шум, травмируя плоть мага, требуя чудовищного времени на концентрацию и создавая то, что здесь называли «задержкой произнесения заклинания».

Каст-тайм. Время сотворения чар. Священная корова всех боевых магов этого мира.

— Идиоты, — констатировал Лебедев. — Они пытаются прокачать мегаватты по тонкому нихромовому кабелю и удивляются, почему он плавится и требует секунд на разогрев.

Вадим мысленно потянул за виртуальный тумблер своего основного классового навыка — [Энтропийная Инверсия: Отвод Тепла].

Он не стал выбрасывать холод наружу. Вместо этого он направил вектор поглощения внутрь собственной нервной и эфирной системы.

Тепловой насос его души заработал на полной мощности.

В накопитель на запястье хлынула первая порция энергии. Температура его эфирных магистралей начала стремительно падать.

[Внимание! Зафиксировано аномальное падение температуры эфирных каналов!]

[T = 200.0 K (-73.15 °C)... Магическое сопротивление: 9.4 Ом/эф]

[T = 150.0 K (-123.15 °C)... Магическое сопротивление: 6.1 Ом/эф]

[Предупреждение: Риск некроза биологических тканей!]

— Подавить предупреждение, задействовать защитную крио-мембрану, — хладнокровно отдал команду Вадим.

Его биологическое тело сейчас находилось под защитой пассивного слоя класса «Крио-Архитектор». Клетки не кристаллизовались льдом — свободная вода в цитоплазме мгновенно переводилась классовым навыком в аморфное стекловидное состояние, исключая разрушение клеточных мембран. Это была идеальная витрификация, технология, о которой криобиологи Земли могли только мечтать.

Температура продолжала падать.

77.3 Кельвина. Точка кипения жидкого азота.

Воздух вокруг рук Вадима начал резко белеть — влага, которой в атмосфере Пустошей были сущие крохи, мгновенно вымерзла в микроскопические снежинки, осыпавшиеся на горячий базальт сухим серебристым порошком.

[T = 77.3 K... Сопротивление: 2.2 Ом/эф]

[Скорость формирования магических плетений возросла на 340%]

— Мало, — процедил сквозь зубы инженер. Иней осел на воротнике его комбинезона, ресницы побелели, но взгляд за визором оставался чистым и расчетливым. — Азот — прошлый век. Давайте водородную зону. А затем — гелий.

Он выкачал еще один пласт тепла, сбросив его в поглощающий кристалл на перчатке. Кристалл загудел басовитым ультразвуком, накаляясь до глубокого индиго.

Двадцать Кельвинов. Жидкий водород.

Двенадцать Кельвинов.

Пять Кельвинов.

И, наконец, критическая граница — 4.2 Кельвина. Точка кипения жидкого гелия при нормальном давлении.

В то же мгновение окружающий мир для Вадима изменился.

В ушах исчез низкий гул пустоши, сменившись абсолютной, звенящей тишиной вакуума. В груди, там, где пульсировало эфирное ядро, погасли все сполохи и завихрения. Беспорядочный, хаотичный броуновский шум энергии внезапно замер, кристаллизовавшись в безупречно упорядоченную структуру.

Эфироны — квантовые частицы магического поля — связались в устойчивые пары. Куперовские пары эфирного поля.

Их спины синхронизировались. Волновые функции перекрылись, превращая энергетическую сеть его тела в единый, монолитный квантовый конденсат Бозе-Эйнштейна.

Интерфейс Системы замерцал, выдав целую гирлянду красных и фиолетовых системных оповещений:

[ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИХ ШАБЛОНОВ!]

[Зафиксирован квантовый фазовый переход второго рода в живом носителе!]

[Температура активного контура: 2.17 К (-270.98 °C) — Состояние сверхтекучести эфира!]

[Электрическое сопротивление тканей: 0.000000 Ом]

[Магическое сопротивление проводящих каналов: 0.000000 Ом/эф]

[ТЕПЛОВЫЕ ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СИГНАЛА: 0%]

Вадим почувствовал это. Каждое нервное окончание превратилось в сверхпроводящую шину с бесконечной пропускной способностью. Мысль больше не преодолевала синаптическую задержку в миллисекунды. Она существовала повсюду в его теле одновременно.

И следом вспыхнула строка, ради которой все это затевалось:

[Параметр «Время применения навыков» (Cast Time) пересчитан.]

[Базовая задержка: 1.85 сек...]

[Коррекция сверхпроводимости: -1.85 сек...]

[ИТОГОВОЕ ВРЕМЯ КАСТА: 0.0000 сек (МГНОВЕННО / ИНСТАНТ)]

[Эффект «Сверхпроводимость Эфира» активен до исчерпания емкости теплового стока]

— Ноль целых, ноль десятых, — тонкие губы Лебедева тронула ледяная улыбка. — Джоулева тепла нет. Перегрева каналов нет. Формирование заклинания лимитировано только скоростью передачи нервного импульса, а в сверхпроводнике она ограничена лишь скоростью света в среде.

Он слегка пошевелил пальцем. Без малейшего замаха, без мысленного скандирования формул, без распальцовок и ритуальных пассов.

Просто сформировал в голове геометрическую матрицу: [Конус локального абсолютного вымораживания, радиус три метра].

Щелк.

Не было никакой вспышки, никакого полета светящихся сфер. Пространство перед его рукой не «замерзло» в привычном понимании — из него мгновенно, за нулевое время, исчезла кинетическая энергия всех атомов.

Воздух в объеме конуса в ту же микросекунду сколлапсировал. Азот и кислород, составлявшие основу атмосферы, с глухим хлопком сжижились, а затем хлопьями сухого голубоватого снега рухнули на базальт. Образовавшийся локальный вакуум со свистом втянул в себя окружающий раскаленный воздух, подняв крошечный вихрь.

На камне остался идеально очерченный сектор, покрытый коркой жидкого кислорода, который мгновенно закипел, соприкоснувшись с горячими краями плиты.

— Скорость реакции: мгновенно, — зафиксировал Вадим, глядя на секундомер встроенного хронометра. — Затраты маны на преодоление сопротивления среды: отсутствуют. Коэффициент полезного действия: девяносто девять и девять десятых процента. Физика работает даже в вашем проклятом цирке.

Он поднялся на ноги. Сверхпроводящее состояние требовало постоянного сброса тепла — накопитель медленно заполнялся фоновым инфракрасным излучением окружающей пустыни, но до критической отметки оставалось еще как минимум сорок минут.

Времени было более чем достаточно, чтобы выдвинуться к перевалу.

Дорога через Базальтовое Ущелье представляла собой естественный туннель между отвесными скалами цвета сажи. Здесь концентрация серных газов становилась невыносимой, а под ногами периодически попадались трещины, из которых сочилась ленивая, вязкая магма вишневого оттенка.

Вадим двигался вперед без лишней спешки, экономя ресурс сервоприводов. Зрение инженера, усиленное крио-интерфейсом, работало в комбинированном режиме: обычный оптический диапазон накладывался на тепловую карту местности.

Именно тепловизор первым и предупредил его.

Впереди, на выходе из узкого дефиле, горело пять отчетливых тепловых сигнатур. Пять ярких, раскаленных пятен с температурой тела значительно выше нормы — около пятидесяти градусов Цельсия. Типичный признак практиков Огненного Пути, чья кровь буквально подогревается активными ядрами.

Лебедев не стал прятаться. В его текущем состоянии любая попытка скрыться была бы пустой тратой времени — в мире, где тепловая энергия видна на километры, скрывать ледяной след среди кипящей пустыни было бессмысленно. Контраст температур выдавал его как прожектор в ночи.

Через сто метров тропа расширялась, образуя естественную круглую площадку, засыпанную крупным серым песком.

Там его уже ждали.

Пятеро мужчин в алых стеганых халатах поверх чешуйчатых медных кирас стояли полукругом, перекрывая проход к оазису Верхних Террас. На широких наплечниках каждого горела чеканная эмблема: свернувшийся кольцом огненный саламандр, сжимающий в зубах пылающий меч.

Клан «Алый Орден».

Местная элита предгорий. Самовлюбленные монополисты огненной магии, державшие под контролем все перевалочные пункты между Нижними Шлаковыми Равнинами и богатыми эфирными жилами Плато Магмы.

В центре группы стоял широкоплечий боец с тяжелым шрамом через всю щеку, обнажившим зубы в вечном оскале. В его руке небрежно покачивался массивный полторный меч, по лезвию которого струились языки жирного, коптящего пламени.

[Субъект: Курт «Жаровня»]

[Фракция: Клан «Алый Орден», Патрульный десятник]

[Класс: Пиромант-Штурмовик]

[Уровень: 14]

[Температура ядра: 612.0 К (+338.8 °C) — Высокая опасность]

Остальные четверо были уровнем ниже — от восьмого до одиннадцатого. Двое держали наготове изогнутые луки с зачарованными зажигательными стрелами, еще двое, судя по расшитым балахонам и деревянным жезлам с рубиновыми наконечниками, являлись классическими кастерами задней линии.

— Стоять, шлак, — голос Курта звучал глухо из-за толстого кожного респиратора, но в нем отчетливо звенела привычная барская спесь. — Куда прешь без знака прохода?

Вадим остановился в десяти шагах. Его поза была расслабленной, руки опущены вдоль тела. Визор шлема скрывал глаза, отражая лишь багровые отсветы лавы.

— Дорога общего пользования, — ровным, лишенным эмоций тоном ответил Лебедев. Динамики шлема модулировали его голос, делая его металлическим и сухим. — В системном манифесте эта зона обозначена как нейтральная территория Серных Пустошей.

Один из магов с жезлом — молодой парень с лихорадочно блестящими глазами и обожженными пальцами — прыснул от смеха:

— Слышь, десятник, у нас тут законник нарисовался! Системный манифест он читал! Ты откуда вылез, кусок руды? С яслей первого сектора?

Курт сплюнул под ноги. Слюна с шипением испарилась на горячем песке.

— Манифест тут один, новик. Земля принадлежит тем, у кого внутри горит пламя. А ты... — десятник брезгливо прищурился, вглядываясь в Вадима через системную оценку. — Что это на тебе вообще напялено? Ни мантии, ни четок. Ни одного огненного кристалла на поясе. Да от тебя вообще холодом тянет, как от дохлой собаки в леднике! Ты что, мусорщик с северных окраин?

— Я инженер, — спокойно ответил Вадим. — И у меня нет времени на социокультурные прения с низкоранговым патрулем. Мне нужен проход к хребту. Отойдите с траектории.

На площадке повисла тяжелая тишина. Даже ветер, казалось, стих, лишь трещали факелы на посохах магов.

Лучники синхронно натянули тетивы. Наконечники стрел вспыхнули едким зеленым огнем алхимической серы.

— Ты берега попутал, тварь беспризорная, — оскал Курта стал по-настоящему бешеным. Жилы на его шее надулись, наливаясь багровым светом. — Значит так. Правило простое для любого бескланового дерьма: дань за проход — три сотни системных монет или пять огненных ядер ранга «D». Нет монет? Снимай свои доспехи, вытряхивай сумку и ползи обратно на брюхе. Будешь вякать — закопаем здесь же. Шлаку все равно, кого переваривать.

Вадим стоял неподвижно. В его внутреннем визоре бежали строки диагностических расчетов:

[Анализ целей: 5]

[Суммарная теплоемкость группы: 1.45 ГДж]

[Оценка боевой эффективности: Крайне низкая организованность]

[Фазовое состояние эфирных каналов противников: Турбулентное, с критическим перегревом узлов]

[КПД заклинаний противника: 12-14%]

— Ваша термодинамика отвратительна, — констатировал Лебедев. — Вы тратите почти восемьдесят процентов маны на бесполезное световое и конвекционное излучение. Ваши стойки неоптимальны, векторы концентрации рассеиваются еще до формирования дуги. Вы не воины. Вы — неисправные печи с дырявыми дымоходами.

Молодой маг с жезлом взвизгнул от оскорбления:

— Заткни его, десятник! Я ему глотку сплавлю к чертовой матери!

— Жги убудка, — коротко бросил Курт, отступая на полшага назад и опуская клинок к земле. — Только шмотки сильно не обугливайте, может, сгодятся на переплавку.

Маг с жезлом шагнул вперед. Его движения были выверенными, заученными сотнями повторений: левая рука вперед, жезл описывает широкую дугу, правая рука чертит в воздухе пылающий глиф Третьего Круга.

— *Ignis... Exterminatus!* — заголосил маг, вкладывая волю в плетение.

Воздух перед ним дрогнул. Эфирные потоки с ревом закружились в воронку, стягивая из окружающего пространства молекулы метана и свободного кислорода. Над навершием жезла распустился ослепительный, ревуший бутон пламени размером с конскую голову.

Температура в центре сферы мгновенно подскочила до тысячи трехсот градусов Цельсия. Песок под ногами кастера начал спекаться в зеленоватое стекло.

[Обнаружена враждебная активация: заклинание «Большой Огненный Шар»]

[Время формирования плетения противником (Cast Time): 1.42 сек]

[Текущая готовность заклинания: 85%...]

[Траектория: Прямая, вектор в область грудной клетки]

— Целых полторы секунды на один примитивный экзотермический процесс, — с искренней жалостью произнес Вадим. — Бесконечно долго.

Маг с торжествующим воем завершил пасс:

— Сдохни, кусок льда!

Огненный шар сорвался с жезла. С чудовищным ревом, оставляя за собой широкий шлейф раскаленных добела газов и выжигая воздух, плазменный сгусток ринулся вперед, преодолевая разделявшие их десять метров за долю секунды.

Курт уже ухмылялся, предвкушая зрелище обугленного, вопящего от боли тела.

Вадим Лебедев даже не моргнул.

Его сверхпроводящая эфирная сеть не требовала подготовки. У него не было «каст-тайма». Не было задержки между формулировкой задачи и физическим откликом вселенной.

Время реакции: 0.0000 секунды.

Мысль: [Зона перехвата: координатная сетка X: 4.2; Y: 0.0; Z: 1.5. Отбор тепла до границы фазового перехода. Вектор сброса — во вторичный контур].

Щелк.

Мир словно споткнулся.

В полтора метра от лица Вадима ревуший шар первородного огня внезапно... остановился.

Нет, он не разбился о магический щит. Не сдетонировал, разметаив взрывную волну.

Вдоль всей траектории полета фаербол температура пространства рухнула по вертикальной экспоненте, пробив отметку в минус двести градусов за микросекунду. Адиабатическое расширение в сочетании с мгновенной энтропийной откачкой выдернуло из летящей плазмы каждый джоуль тепловой и кинетической энергии.

Пламя — это не субстанция. Пламя — это оптический эффект светящегося раскаленного газа в процессе окисления.

Когда температура газа падает ниже точки воспламенения, реакция горения прекращается.

Когда она падает до девяноста Кельвинов — метан, служивший горючей основой для магического шара, сжижается.

Когда температура достигает шестидесяти Кельвинов — метан кристаллизуется.

На глазах у онемевших пиромантов произошло нечто, нарушавшее все мыслимые и немыслимые законы их магического мира.

Яростно ревуший, пылающий золотом и багрянцем шар смерти прямо в воздухе потерял свой свет. Его внешняя оболочка мгновенно помутнела, покрылась сетью молочно-белых трещин, а затем... превратилась в абсолютно твердый, граненый кристалл тяжелого льда, отливающий густым метановым ультрамарином.

Вся кинетическая энергия движения вперед была поглощена встречным градиентом поля.

Бывший огненный шар, ставший куском монолитного замерзшего углеводородного газа размером с арбуз, потерял опору и под действием банальной гравитации с сухим, глухим стуком упал в раскаленный песок.

Бух.

От удара от него откололась пара кристаллических щепок, блеснувших в закатном свете. От ледяного монолита во все стороны пополз густой, тяжелый белый пар — сублимирующий жидкий азот и метан, медленно закипающие на горячей почве.

Система захлебнулась оповещениями:

[ВНИМАНИЕ! ЗАКЛИНАНИЕ ПРОТИВНИКА «БОЛЬШОЙ ОГНЕННЫЙ ШАР» НЕЙТРАЛИЗОВАНО!]

[Термодинамический коллапс активной зоны!]

[Фазовое состояние структуры: Кристаллизовано (Твердое тело)]

[Зафиксировано аномальное событие: Огонь переведен в кристаллическую решетку]

[Получено 18 500 Дж тепловой энергии в накопитель]

[Шкала накопителя: 63 500 / 100 000 Дж (Расширение объема за счет эффективного поглощения!)]

В ущелье воцарилась гробовая тишина.

Ветер тихо шелестел крупинками песка, разбивавшимися о замерзший шар. Белый пар лениво стелился по сапогам Вадима, окутывая его фигуру призрачным морозным саваном.

Маг, выпустивший заклинание, так и застыл с вытянутым жезлом. Его челюсть отвисла, глаза вылезли из орбит, а из приоткрытого рта вырвался невнятный хрип:

— Ч-что... Что это за... Где взрыв?! Где пламя?!

Второй кастер попятился, споткнулся о выступ базальта и едва не выронил свой посох:

— Он... он заморозил огонь?! Это невозможно! Огонь нельзя заморозить, это же стихия! Это концепт!

Курт «Жаровня» больше не улыбался. Опытный головорез, прошедший десятки рейдов по Пустошам, он впервые в жизни столкнулся с тем, чему его не учил клановый наставник. Магия льда существовала в Системе, да. Но лед магов был просто холодной водой. Ледяными стрелами. Ледяными стенами, которые плавилась и испарялись под мощными ударами пиромантов.

Никто и никогда не кристаллизовал сам процесс горения.

— Ты... кто ты такой, мать твою?! — рявкнул Курт, перехватывая пылающий меч двумя руками. Пламя на клинке задрожало, реагируя на внезапный страх своего хозяина. — Лучники! Залп! Изрешетите эту тварь!

Лучники, выведенные из ступора окриком командира, судорожно разжали пальцы.

Две зачарованные стрелы, свистя оперением, сорвались с тетив. Они неслись по настильной траектории, метя точно в визор и сочленение шейных пластин шлема Вадима.

— Ошибка координации, — тихо констатировал инженер.

Щелк.

Сверхпроводимость эфира не знала понятия перезарядки. В цепи с нулевым сопротивлением ток течет непрерывно.

Вадим даже не поднял руки.

Перед наконечниками летящих стрел воздух мгновенно уплотнился до твердости алмаза за счет конденсации и кристаллизации атмосферных газов в тончайшие пластины твердого кислородно-азотного льда.

Дзинь! Дзинь!

Раздался звук, похожий на удар швейной иглы о наковальню.

Стрелы на полном скаку врезались в невидимые глазу крио-барьеры толщиной в полмиллиметра. Стальные наконечники мгновенно стали хрупкими, как тонкое стекло — эффект глубокого холода полностью разрушил вязкость металла. Древки расщепились, а сами наконечники разлетелись мелкой серебристой пылью, осыпавшись на песок перед ботинками Лебедева.

— Мой черед, — произнес Вадим.

Он сделал один шаг вперед. Подошва тяжело опустилась на замерзший шар метана, раскалывая его на две аккуратные полусферы. Хруст сухого кристаллического газа прозвучал в тишине ущелья как похоронный звон.

— Пять целей. Средняя масса тела — восемьдесят килограммов. Средняя температура — триста двадцать Кельвинов.

Глаза Курта расширились от дикого, первобытного ужаса. Он почувствовал, как воздух вокруг незнакомца перестал быть просто холодным. Он стал *жадным*.

— Назад! Всем назад, в лагерь! — заорал десятник, забыв о клановой гордости, о дани и о своем пылающем клинке. — Это не человек! Это системный сбой! Бежи...

Вадим развел пальцы правой руки.

Формула была проста. Никаких сложных заклинаний. Обычный тепловой градиент, направленный в обратную сторону. Если теплопередача идет от горячего к холодному, то при наличии абсолютного теплового стока скорость отбора энергии стремится к бесконечности.

— Адиабатическое расширение. Контур замкнут.

ВЖУХ.

Из ладони инженера не вылетело ни луча, ни морозной волны.

Просто из сектора перед ним шириной в пятнадцать метров мгновенно исчезло все инфракрасное излучение.

Огонь на мече Курта не погас — он схлопнулся внутрь себя с сухим щелчком, оставив лишь почерневшую, моментально покрывшуюся инеем сталь. Факелы на посохах магов осыпались серой золой.

А затем холод коснулся самих бойцов.

Их крики не успели родиться. Когда температура среды падает до пятидесяти Кельвинов за долю секунды, голосовые связки замерзают раньше, чем воздух из легких успевает привести их в колебание.

Двое магов застыли на полушаге, превратившись в совершенные скульптуры из синеватого льда. Ткань их алых мантий остекленела, став хрупкой, как слюда. Лучник, пытавшийся развернуться для бега, замер с поднятой ногой — его мышцы, кровь, лимфа мгновенно перешли в твердую фазу, зафиксировав позу навсегда.

Курт, защищенный остаточным жаром своего высокоуровневого ядра, продержался на полсекунды дольше.

Он успел опустить взгляд вниз. Увидел, как его медная кираса покрывается толстым слоем белой пушистой изморози. Увидел, как его собственные пальцы, сжимающие рукоять меча, белеют, трескаются, словно сухая глина, и отваливаются без единой капли крови — кровь внутри сосудов превратилась в монолитный крио-гель.

— П-по... ща... — беззвучно шевельнулись его остекленевшие губы.

— Энтропия не знает пощады, — спокойно ответил Вадим, подходя к нему вплотную. — Она просто стремится к равновесию. А вы создавали слишком много бесполезного тепла.

Легкий щелчок пальцем в перчатке по лезвию мертвого меча десятника.

Тин-н-нь...

Тонкий, хрустальный звон прокатился по ущелью.

Тяжелый полуторный клинок из закаленной гномьей стали, лишившись термической пластичности, мгновенно раскололся на сотни мелких осколков, осыпавшихся на песок подобно битому бутылочному стеклу.

Вслед за мечом треснула кираса. Тело Курта, потеряв структурную целостность, осело вниз, рассыпаясь аккуратными ледяными фрагментами, которые даже не таяли на горячем базальте — настолько глубоким был промороз.

Окружающий воздух яростно свистел, заполняя температурную пустоту. Стены ущелья трескали: раскаленный базальт, испытывавший чудовищный термический шок от перепада в триста градусов, лопался ровными пластами, осыпаясь к ногам инженера мелким гравием.

Перед глазами Вадима мерцала целая стена золотых символов Системы:

[Бой завершен. Противники уничтожены: 5]

[Получен опыт: 4 200 единиц]

[Уровень повышен! Текущий уровень: 3]

[Поглощено тепловой энергии: 184 000 Дж]

[ВНИМАНИЕ: Стандартный накопитель перегружен!]

[Активирован аварийный сброс в синтез крио-материи...]

[Сформирован предмет: «Сверхплотный Термодинамический Кристалл» x 3]

Три тяжелых, идеально ограненных октаэдра размером с грецкий орех с глухим стуком выпали из формователя на пояс комбинезона прямо в подставленную ладонь Вадима. Они светились ровным, завораживающим ультрамариновым светом — связанная, спрессованная тепловая энергия, обращенная в стабильную квантовую матрицу. Абсолютный холод снаружи, гигаджоули потенциальной работы внутри.

— Неплохо для полевых испытаний, — произнес Лебедев, убирая кристаллы в подсумок на бедре.

Он посмотрел на свои руки. На кончиках пальцев все еще плясали микроскопические голубоватые разряды — остаточные явления сверхпроводящего контура. Сопротивление по-прежнему держалось на абсолютном нуле.

Система молчала, словно не решаясь комментировать произошедшее. Для ее алгоритмов, построенных на балансе стихий, концепциях маны и заклинаний, существование человека, управляющего чистой термодинамикой через уравнения математической физики, было не просто аномалией.

Это был вирус. Ошибка компиляции, шагающая по раскаленным камням в тяжелых ботинках.

Вадим перешагнул через груды звенящих осколков, бывших когда-то патрулем грозного клана, и направился дальше по ущелью, туда, где за зубчатыми пиками открывался вид на центральные кратеры Серных Пустошей.

Впереди лежали земли, полные тепла.

А значит, его запасы энергии были практически безграничны.

Глава 3. Город в лавовом каньоне

Воздух впереди вибрировал мелкой, дрожащей рябью, сквозь которую очертания скал казались текучими, словно расплавленное бутылочное стекло. Температурный датчик на левом запястье комбинезона мерно отщелкивал градусы, будто таймер обратного отсчета: сорок пять по Цельсию, сорок восемь, пятьдесят три...

Вадим Лебедев скорректировал плотность изолирующего нано-слоя на подошвах тяжелых ботинок. Под ними больше не было привычного щебня предгорий — только спекшаяся, темно-серая вулканическая корка, под которой глухо ворочалось тяжелое нутро разлома.

За очередным поворотом ущелье внезапно оборвалось, распахнувшись в гигантскую пропасть шириной добрых полтора километра.

Это был Обсидиановый Шлюз.

Город не просто находился в каньоне — он цеплялся за его отвесные базальтовые стены с отчаянием утопающего, схватившегося за лезвие ножа. В самом низу, метрах в трехстах под подвесными мостами и клепаными настилами, лениво ворочалась река густой, ослепительно-желтой магмы. Ее жар поднимался вверх мощными конвекционными потоками, закручиваясь в невидимые восходящие смерчи и разнося по всем ярусам удушливую вонь сероводорода, сернистого газа и пригоревшего машинного масла.

Жилища местных обитателей напоминали ласточкины гнезда, грубо выкованные из жаропрочной стали, шлакоблоков и кусков обсидиана. Они громоздились друг на друге, соединяясь паутиной ржавых железных трапов, скрипящих канатных дорог и цепей, толщиной в человеческое бедро. Все это инженерное безумие удерживалось на грани падения лишь благодаря мощным распоркам, вбитым прямо в породу, и редким стабилизирующим артефактам, испускавшим тусклое фиолетовое сияние.

Вадим остановился на верхнем контрольном карнизе, втянув носом горячий, царапающий бронхи воздух.

В углу его сетчатки тотчас всплыл аналитический интерфейс Системы, перемежающийся строками его собственных кастомных расчетных модулей:

[Локация: Поселение «Обсидиановый Шлюз» (Ярус 1 — Верхний променад)]

[Статус зоны: Условно-безопасная (Действует юрисдикция Синдиката Горнила)]

[Температура окружающей среды: +58.4 °C]

[Влажность: 11 %]

[Атмосферное давление: 840 мм рт. ст.]

[ВНИМАНИЕ: Высокая концентрация сернистых взвесей. Наложен пассивный эффект: «Сухое дыхание» (-1 % запаса выносливости каждые 120 сек.)]

— Одиннадцать процентов влажности при пятидесяти восьми градусах, — негромко пробормотал Вадим, ощущая, как горячий ветер пытается мгновенно высушить роговицу глаз. — Не пустыня Сахара, конечно, но для человеческого метаболизма — медленный приговор.

Он поправил лямку респиратора и зашагал вниз по винтовой металлической лестнице, чьи ступени жалобно взвизгивали под весом его снаряжения.

Чем ниже он спускался, тем плотнее становилась толпа. Жители Шлюза производили тягостное впечатление. Если на Земле дегидратация была медицинской патологией, то здесь она превратилась в социальный маркер. Обветренные, темно-бронзовые лица, потрескавшиеся до крови губы, глубоко запавшие глазницы. Люди кутались в грубые плащи из асбестовой ткани, спасаясь от теплового излучения снизу, и двигались с той пугающей, сонной медлительностью, которая свойственна организмам, балансирующим на грани теплового удара.

Над головами прохожих Вадим видел системные плашки. У каждого второго висел дебафф: [Тяжелое обезвоживание III степени], [Тепловое истощение], [Снижение регенерации маны на 85%].

— Посторонить, бродяга! Не стой под стрелой, если башка дорога! — хриплый, надсадный окрик заставил Вадима шагнуть к стене.

Мимо него по настилу четверо дюжих рабочих в клепаных кожаных фартуках катили массивную платформу на чугунных колесах. На платформе стоял тяжелый герметичный чан, покрытый толстым слоем теплоизоляционной пены. Чан был оплетен охлаждающими рунами, но они едва тлели бледным зеленоватым светом — их ресурс явно подходил к концу. От чана исходил тонкий, мучительный для местных запах влажной сырости.

Вслед за платформой тянулся шлейф из десятков глаз. Оборванные дети с жестяными кружками, иссохшие рудокопы с кирками за спиной, женщины с младенцами на руках — все они провожали емкость жадными, лихорадочными взглядами, но никто не смел подойти ближе чем на три шага.

Потому что платформу сопровождал конвой.

Четверо бойцов в латных полудоспехах из закаленного багрового сплава шли с неторопливой уверенностью хозяев этой пропасти. На их нагрудниках горела чеканная эмблема: сжатый бронированный кулак, из которого вырывались языки пламени.

«Владыки Пламени». Правящая гильдия сектора.

Каждый из охранников сжимал в руках тяжелые огнеметные пики — артефактное оружие ближнего боя с интегрированными кристаллами огненной магии. На поясах у них болтались тяжелые фляги из толстой керамики, и при каждом шаге наемников внутри фляг плескалась жидкость. Этот плеск звучал для измученных жителей издевательским колокольным звоном.

— Шаг назад, падаль! — рявкнул замыкающий конвоир, щелкнув курком пики. Из накопника вырвалась короткая струя оранжевого огня, обдав жаром стоявшую у перил девчонку лет десяти. Та вскрикнула и отшатнулась, прижав к груди пустую глиняную кружку. — Выдача на Центральном Распределителе! По талонам гильдии или по тарифу! Десять медных чешуек за пинту! Нет чешуек — пейте из лавового стока, шлакососы!

Конвой с грохотом покати́л дальше, сворачивая на широкий мост, ведущий к циклопическому строению, намертво врезанному в тело базальтовой скалы.

Вадим проводил процессию холодным, расчетливым взглядом.

Десять медных чешуек за пинту.

По местному курсу Системы это была треть дневного заработка забойщика на серных карьерах. Цена, рассчитанная с математической точностью рабовладельца: ровно столько, чтобы раб не сдох от жажды сегодня, но и не смог накопить достаточно средств, чтобы купить билет на подъемник и навсегда покинуть это проклятое пекло.

Лебедев двинулся следом. Ему нужно было увидеть источник проблемы собственными глазами.

Центральная площадь Обсидианового Шлюза представляла собой широкую террасу, нависшую над самым широким рукавом магматической реки. Здесь жар был настолько плотным, что казался осязаемой стеной. Любое движение требовало волевого усилия — легкие обжигало при каждом вдохе, а пот испарялся с кожи мгновенно, оставляя лишь белый хрустящий налет соли.

В центре террасы высился распределительный узел Синдиката — гигантский купол из клепаной меди, окруженный тремя контурами колючей зачарованной проволоки. Из-под купола уходили глубоко в толщу скалы толстые трубы, укутанные в асбест. Это были артезианские скважины. Единственные глубокие скважины в радиусе сорока километров, пробившие магматические пласты и достигшие реликтовых подземных горизонтов.

Вокруг распределителя вилась огромная, извивающаяся, словно раненый червь, очередь. Сотни людей стояли часами под безжалостным инфракрасным излучением каньона, сжимая в мозолистых пальцах жетоны, слитки неочищенной меди и клочки гильдейских расписок.

На помосте перед распределителем за массивным дубовым столом сидел гильдейский приказчик — тучный мужчина со вторым подбородком, влажным от жира, а не от пота. За его спиной мерно гудел портативный крио-генератор низкого ранга, обдувая его затылок струей прохладного воздуха. Роскошь, стоявшая здесь целого состояния.

Перед столом на коленях стоял пожилой рудокоп. Кожа на его оголенных плечах была покрыта волдырями от термических ожогов.

— Господин оценщик... Христа ради, господин Тулл... — сдавленно хрипел старик, протягивая на дрожащих ладонях бурый кристалл огненного опала. — Дочь горит вторые сутки... Серная лихорадка. Ей хоть пару глотков чистой, без осадка... Камень чистый, на четвертом горизонте сам выбил... Пятьсот кредитов Системы стоит, не меньше! Мне бы флягу... Только одну флягу!

Приказчик лениво скосил маленькие поросыщи глазки на кристалл, подцепил его толстым пальцем с золотым перстнем и смахнул в открытый ящик стола.

— Сколы по краям. Внутреннее помутнение, — сухо бросил он скрипучим голосом. — Сто пятьдесят кредитов по тарифу гильдии за вычетом налога на износ оборудования скважины. На флягу не тянет.

— Но как же... — старик побелел. — Там же на десять фляг хватит по номиналу!

— Разговорчики? — приказчик приподнял бровь.

Стоявший рядом охранник сделал шаг вперед и с размаху ударил рудокопа кованым сапогом в грудь. Раздался сухой хруст ребер. Старик захрипел, опрокинувшись на спину, и покати́лся по настилу. Глиняная кружка, которую он держал за пазухой, вылетела и с жалобным звоном разбилась о базальт.

— Следующий! — равнодушно крикнул приказчик, вытирая пальцы шелковым платком. — И шевелитесь, оборванцы. Через час профилактическая продувка магистрали. Раздача закроется до завтрашнего полудня.

Толпа глухо, обреченно заволновалась, но никто не шелохнулся, чтобы помочь старику. Страх перед жадой был сильнее ярости, сильнее жалости, сильнее самой смерти.

Вадим остановился у края помоста. Его челюсти сжались так, что скрипнули зубы, но взгляд оставался абсолютно ровным. Эмоции были пустой тратой энергии, неэффективным расходом калорий. Вместо гнева в его сознании заработал жесткий, безжалостный процессор.

Он активировал внутренний интерфейс, подключив расширенные анализаторы.

«Определить физико-химические параметры локального объема атмосферы».

Перед глазами потекли зеленые строчки дифференциальных уравнений:

[Температура точки росы при текущем давлении: +22.1 °C]

[Абсолютная влажность перегретого воздуха: 14.8 г/м³]

[Объем воздушного кармана над центральной террасой: ~45 000 м³]

[Общее расчетное содержание пароводяной H₂O в локальном объеме: ~666 000 литров]

[Источники влаги: геотермальные выбросы, испарения охлаждающих контуров шахт, дыхание органических форм жизни]

Вадим усмехнулся одними уголками губ. Горькая, ледяная ирония.

Они умирали от жажды, буквально плавая в океане воды.

Воздух был полон влаги — перегретой, невидимой, взвешенной в виде перенасыщенного пара, который не мог сконденсироваться из-за чудовищного теплового напора магматического разлома. Вся эта вода висела прямо у них над головами, в нескольких метрах от растрескавшихся губ, но для жителей этого средневекового по своей сути мира она не существовала.

Для них вода была жидкостью, текущей из труб Синдиката. Магией стихии, принадлежащей гильдии.

— Система, — мысленно обратился Вадим к базовому ядру. — Доступ к протоколам термодинамической конверсии.

[Ядро термодинамического оператора активно]

[Доступная энергия в накопителях: 184 000 Дж (базовый) + 3 Сверхплотных Термодинамических Кристалла (~4.5 ГДж связанной теплоты в эквиваленте)]

[Запрос: формирование рабочего контура]

Вадим медленно подошел к противоположному краю террасы.

Там, заброшенный и забытый всеми, стоял древний общественный резервуар — колоссальная чаша из литого серого чугуна диаметром метров в пятнадцать и глубиной в три человеческих роста. Когда-то, судя по выбитым на ободке полустертым рунам, сюда самотеком поступала талая вода с верхних пиков, но ледники растаяли еще три века назад, а трубу перерубили при строительстве гильдейского форта. Сейчас на дне цистерны валялся лишь ржавый мусор, битый кирпич да слой мелкой вулканической пыли.

— Эй, ты, бродяга! — окликнул его один из часовых у проволочного ограждения. — Чего там вынюхиваешь? Отойди от резервуара, это имущество фактории!

Вадим даже не повернул головы.

Он расстегнул поясной подсумок и извлек первый Сверхплотный Термодинамический Кристалл.

Темно-синий, почти черный октаэдр лег в его ладонь. В лучах оранжевого магматического зарева граненые поверхности кристалла казались провалами в абсолютную пустоту — свет, падавший на них, не отражался, а словно затягивался внутрь бесконечной гравитационной ловушкой холода.

— Начнем с первого закона термодинамики, господа монополисты, — тихо произнес Лебедев.

Он разжал пальцы. Кристалл не упал на дно резервуара.

Вадим подхватил его импульсом сверхпроводящего контура своего тела, заставив зависнуть в трех метрах над центром гигантской чугунной чаши. Следом в воздух взмыли второй и третий кристаллы. Они выстроились в идеальный равносторонний треугольник, медленно вращаясь вокруг общей оси.

[Инициация структуры: «Крио-динамический конденсационный контур»]

[Математическая модель: Цикл Стирлинга с обращенной фазой + Квантовый термоэлектрический эффект Пельтье на макроуровне]

[Расчетная мощность откачки тепла: 12.4 МВт]

[ВНИМАНИЕ: Нарушение локального энтропийного баланса! Система фиксирует аномалию типа «Отказ компилятора»!]

— Игнорировать предупреждение Системы. Принудительный старт, — скомандовал инженер.

Вадим выбросил вперед обе руки. Пальцы его перчаток вспыхнули резким, режущим глаза неоновым-голубым светом.

Это не было плетением заклинания. Здесь не было магических кругов, тайных слов или призыва духов стихий. В воздухе материализовались тончайшие, математически безупречные силовые линии векторных полей. Вадим не создавал материю из ничего — он просто менял вектор движения молекул в пространстве.

Он отбирал у воздуха кинетическую энергию.

Резко. Беспощадно. Миллиарды миллиардов джоулей в секунду.

Первым ударил звук.

Это был не взрыв, а чудовищный, оглушающий схлопывающийся хлопок — имплозия. Воздух в радиусе пятидесяти метров над резервуаром мгновенно потерял объем при резком охлаждении, создав локальную зону глубокого вакуума. В эту пустоту со страшным ревом устремились окружающие воздушные массы каньона.

В лицо Вадиму ударил шквальный ветер, но это был не раскаленный серный вихрь. Это был мороз.

Очередь у распределителя замерла. Рудокопы, охранники, женщины, сам жирный приказчик Тулл — все застыли с открытыми ртами, не в силах осознать происходящее. В жерле раскаленного каньона, где металл обжигал кожу через одежду, внезапно пахнуло свежестью. Запахло грозой, озоном и... снегом.

— Что за... Магия льда?! — завопил один из патрульных, вскидывая пик. — Тревога! Несанкционированное колдовство высшего ранга!

— Стоять, дубина! — прохрипел приказчик, выкатив глаза. — У него нет маны! Сканер пуст! Это артефакт... Он взрывает артефакт!

Но Вадим ничего не взрывал. Он работал.

Три темно-синих кристалла над резервуаром раскрутились до бешеной скорости, превратившись в сплошное светящееся кольцо ультрамаринового огня. Поверхность чугуновой чаши моментально посерела, затем побелела, покрываясь толстым слоем мохнатого инея. Чугун застал, сжимаясь от термического шока.

А в воздухе над чашей началось чудо.

Перегретый пар, втянутый в зону действия контура, достиг точки росы за доли миллисекунды. Невидимая влага мгновенно конденсировалась в плотный, клубящийся белый туман. Но контур продолжал давить температуру вниз — мимо нуля градусов, мимо минус двадцати, прямо к отметке в минус семьдесят по Цельсию.

Фазовый переход вещества произошел с математической неизбежностью.

Туман превратился в стену падающего града. Тысячи, миллионы ледяных крупинок с сухим шелестом забарабанили по металлу резервуара. Но уже через секунду процесс вошел в стационарный режим самоподдерживающейся лавины.

Из раскаленного воздуха над пропастью хлынул ливень.

Настоящий, тяжелый, ледяной шквал воды, низвергающийся в чугунную пасть резервуара с мощностью прорвавшейся плотины! Вода не успевала оставаться жидкой у самого дна — падая на замороженный до абсолютной хрупкости металл, она мгновенно кристаллизовалась, наращивая колоссальные глыбы чистейшего, лазурно-голубого льда.

Стенки чаши тресали. Температура вокруг резервуара рухнула до нуля, а затем и вовсе ушла в минус. Волны ледяного тумана перехлестывали через край, стекая тяжелыми белыми волнами по базальтовым плитам площади. Люди, стоявшие ближе всех, отшатнулись не от страха — от шока, когда их босые, привыкшие к раскаленному камню ступни обожгло первобытным, чистым холодом.

— Вода... — тонко, по-птичь пискнула девчонка с кружкой, упав на колени прямо в растекающийся ледяной туман. — Мама... Это же вода!

Она протянула худую, дрожащую руку к краю резервуара, где на чугунных заклепках уже намерзали прозрачные сталактиты сосулек. Отломила одну. Посмотрела на нее с суеверным ужасом, а затем жадно, давясь слезами, засунула в рот.

— Настоящая! — закричала она на всю площадь, захлебываясь ледяной влагой. — Сладкая! Холодная! Мама, она не горькая!

Это слово подействовало как детонатор.

— ВОДА!

Толпа рухнула с петель. Забыв про очередь, забыв про жетоны, забыв про наведенные огнеметные пики стражи, сотни измученных жаждой людей бросились к чугунному резерву-

ару. Они бежали, спотыкаясь, падая на колени, подставляя лица под хлещущие брызги конденсата.

А ливень все нарастал.

Вадим держал контур твердой рукой. Его вены на предплечьях вздулись, светясь ровным сапфировым светом — сверхпроводящий контур тела пропускал через себя колоссальные потоки энтропии. Все отобранное у атмосферы тепло он не рассеивал обратно — он спрессовывал его, загоняя в квантовые решетки трех вращающихся кристаллов. Кристаллы тяжелели, их цвет менялся от ультрамаринового к ослепительно-фиолетовому, вбирая в себя мегаватты рассеянной теплоты.

Это был идеальный термодинамический насос. Бесплатная энергия ада, превращенная в спасение для его узников.

Чугунный резервуар наполнялся с пугающей скоростью. Десять тонн. Тридцать тонн. Пятьдесят тонн. Огромные айсберги чистейшего кристаллического льда ворочались в бурлящей ледяной купели, таяли под струями нового конденсата и превращались в прозрачную, зеркальную гладь.

Перед глазами Вадима вспыхнул золотой каскад системных сообщений. Система наконец смогла проанализировать происходящее, переведя законы физики на свой архаичный язык:

[ВНИМАНИЕ: Зафиксировано глобальное изменение микроклимата локации!]

[Неизвестный навык произвел фазовый переход 1.2×10^5 кг атмосферной влаги]

[Создан уникальный объект инфраструктуры: «Вечный Криогенный Источник»]

[Качество питьевой воды: Высшее (Чистота: 99.98%, минерализация: оптимальная)]

[Дебафф «Сухое дыхание» снят во всей зоне Центральной Террасы]

[Наложен положительный эффект: «Благословение Талых Вод» (+50% к регенерации сил, снятие эффектов дегидратации)]

И следом — мощный, торжественный рокот системного колокола, отозвавшийся в ушах каждого разумного существа в радиусе трех километров:

[Мировое событие локального масштаба завершено!]

[Игрок/Сущность: Вадим Лебедев (Класс: Термодинамический Инженер [Ошибка Системы])]

[Устранена критическая гуманитарная катастрофа поселения «Обсидиановый Шлюз»]

[Получено признание фракции: «Обитатели Низин» — Превознесение (10 000 / 10 000)]

[ПОЛУЧЕН УНИКАЛЬНЫЙ ТИТУЛ: [Герой Шлюза]!]

[Эффект титула: Цены у торговцев локации снижены на 90%. Доступ к скрытым шахтерским тропам разлома. Моральный дух союзников в радиусе 100 метров увеличен на 30%. Враги из числа угнетателей испытывают пассивный страх.]

Люди окружили резервуар плотной стеной. Они черпали воду кружками, мисками, ладонями, шлемами, флягами. Они обливали головы, они плакали, смеялись, прижимали детей к холодным чугунным бортам, о которые теперь можно было остудить горящие от жара ладони.

Старик-рудокоп, которому наемник сломал ребра, стоял на коленях у края чаши. Его разбитое лицо было мокрым от талой воды и слез. Он жадно пил, захлебывался, кашлял и снова пил.

— Святой... — прошептал он, поднимая безумные от счастья глаза на фигуру в темно-сером комбинезоне. — Ледяной Владыка пришел... Защитник!

— Герой! — подхватил кто-то в толпе. — Он сломал монополию! Вода для всех! Бесплатно!

— Слава Герою Шлюза!

Рев сотен глоток перекрыл гул лавовой реки. Люди падали на колени перед помостом, на котором стоял Вадим. Для них, проживших поколения в рабстве у огня и жажды, он был не инженером, знающим уравнение Клапейрона — Клаузиуса. Он был богом, сошедшим в пекло, чтобы даровать прохладу.

Вадим медленно опустил руки.

Три кристалла, налитые густым темно-аметистовым светом, со звонким стуком опустились в его ладонь. Они стали тяжелее раза в полтора — плотность аккумулированной энергии внутри достигла критического предела. Теперь у него был запас тепла, способный расплавить небольшую крепость, если возникнет такая необходимость.

Он спрятал кристаллы в контейнер. Ледяной контур стабилизировался. Насыщенный влагой воздух каньона продолжал по инерции конденсироваться на замороженной массе льда на дне резервуара. Даже без активной накачки этот естественный радиатор будет давать чистую воду еще минимум трое суток.

— Именем Синдиката! ОРУЖИЕ К БОЮ!

Яростный, визгливый крик разорвал ликование толпы.

Со стороны распределительного узла выдвигалась тяжелая пехота. Ворота медного купола распахнулись настежь, и на террасу вывалился целый взвод регулярных карателей «Владык Пламени» — не меньше трех десятков бойцов в глухих закрытых шлемах, с ростовыми щитами из огнеупорного сплава и заряженными магматическими мортирами.

Впереди них тяжелой поступью шел офицер. На его плечах горели золотые эполеты, а в руке плясал огромный двуручный палаш, окутанный ревущим алым пламенем тринадцатого ранга.

Это был Центурион Бранн — печально известный палач Шлюза, комендант водного сектора. Уровень 48, как услужливо подсказала Система.

— Разойтись, стадо! — гремел Бранн, и его голос, усиленный рунами шлема, давил на барабанные перепонки. — Вся вода в каньоне принадлежит Гильдии по праву Первого Горнила! Любой, кто прикоснется к резервуару, объявляется вором и мятежником!

Толпа замерла. Радость мгновенно сменилась первобытным ужасом. Наемники синдиката не знали жалости — за годы их правления на дно магматической реки были сброшены сотни несогласных. Люди начали испуганно пятиться, сжимая в руках набранную воду как последнее сокровище.

Бранн остановился в десяти шагах от помоста, на котором стоял Вадим. Острие его пылающего клинка опустилось прямо в грудь инженера.

— Ты. Бродяга без клана и без знамени, — прошипел центурион, и сквозь забрало его шлема блеснули налитые кровью глаза. — Ты хоть понимаешь, что ты наделал, щенок?

Вадим спокойно оправил манжеты комбинезона. Он даже не достал оружия. Его пульс держался на отметке шестьдесят два удара в минуту.

— Я сконденсировал водяной пар, находящийся в свободном объеме атмосферы, — ровным, лекторским тоном ответил Вадим. — Согласно базовым принципам физики, открытое воздушное пространство над нейтральной территорией не может являться частной собственностью.

— Физики?! — Бранн оскалился в презрительном хохоте. — Ты в Сфере Семи Горнил, выродок! Здесь единственный закон — закон Огня и воля Синдиката! Ты украл у нас суточную выручку. Ты нарушил вековой контракт гильдии на жизнеобеспечение сектора. Ты взломал саму систему распределения ресурсов!

Вокруг палаша центуриона закружился огненный смерч. Базальтовые плиты под его ногами начали плавиться, расплываясь светящимися лужицами.

— Твое колдовство мертво, кем бы ты ни был, — прорычал Бранн. — За уничтожение монополии, за саботаж имперского ресурса, за подстрекательство черни к бунту...

В небесах над Обсидиановым Шлюзом вспыхнул зловеющий багровый всполох. Система, подчиняясь контрактам и зарегистрированным правам гильдий, вывела перед Вадимом кроваво-красный баннер официального статуса:

[ВНИМАНИЕ: Вы совершили действие, подрывающее экономическую основу фракции «Владыки Пламени»!]

[Гильдия «Владыки Пламени» объявила вам тотальную вендетту!]

[Ваш статус в пределах сектора Серных Пустошей: ВРАГ СИНДИКАТА I КАТЕГОРИИ]

[За вашу голову назначена награда: 50 000 золотых монет / 500 Высших Ядер Огня]

[Приказ на уничтожение: Безоговорочный. Допускается применение оружия массового поражения.]

— Ты труп, бродяга, — осклабился Бранн, поднимая меч для смертельного удара. — Ты сдохнешь здесь, а твой лед мы переплавим в кипяток и заставим этих тварей выпить его до капли! Взять его живым или мертвым! Голову — Совету Гильдии, потроха — в лаву!

Три десятка гвардейцев синхронно вскинули пики. Сопла огнеметов загудели, накачивая плазму.

Толпа в ужасе ахнула, готовая броситься врассыпную. Старики закрывали глаза детям, женщины глухо выли. Никто в истории Шлюза не выживал после прямого приказа центуриона.

Вадим Лебедев медленно выдохнул.

Из рта инженера вырвалось густое облачко белого пара.

Температура его тела, подчиняясь ментальной команде, начала стремительно падать. Ноль градусов. Минус пятьдесят. Минус сто двадцать. Внутреннее электрическое сопротивление тканей обратилось в строгий, абсолютный ноль. Сверхпроводящее состояние биоматрицы вступило в полную силу.

Он сделал один шаг вперед — с помоста прямо навстречу надвигающейся стене огня.

Под его подошвой базальтовая плита, еще секунду назад готовая течь от жара палаша центуриона, мгновенно побелела от инея, зазвенев стеклянным звуком глубокой заморозки.

— Вы совершаете грубую методологическую ошибку, центурион, — спокойно произнес Вадим, и в его голосе впервые прозвучали металлические, леденящие душу нотки абсолютной пустоты космоса. — Вы считаете, что тепло принадлежит вам. Но тепло — это всего лишь хаотическое движение частиц.

Лебедев поднял правую руку, и воздух вокруг его пальцев свернулся в абсолютно черную, не отражающую свет сферу температурного коллапса.

— А я умею останавливать любое движение. Начнем урок термодинамики.

Глава 4. Вход в Пещеры Магмы

Базальтовая арка Данжена ранга С пульсировала тяжелым, нездоровым багрянцем. Пространственный разлом в ее зеве не просто мерцал — он буквально кипел, выплескивая наружу струи раскаленного воздуха, пахнувшего пережженной серой, расплавленным металлом и ядовитыми парами мышьяка. Земля под ногами дрожала от непрерывного подземного гула, словно в глубине скального массива ворочался гигантский титан из жидкого камня.

У входа в разлом царило мертвое безмолвие. Несколько минут назад здесь еще звенели клинки и гремели угрозы карательного отряда «Владык Пламени», но теперь об этом напоминали лишь застывшие ледяные кристаллы на растрескавшихся плитах Шлюза да смутные, парализованные ужасом взгляды зевак, наблюдавших за происходящим из-за укрытий. Центурион Бранн со своими тридцатью элитными гвардейцами остался позади — в виде идеального наглядного пособия по мгновенному прекращению кинетической активности на атомном уровне. Их тела не растаяли под лучами пустынного солнца. Они звенели на сухом ветру хрупким стеклом, превратившись в памятники собственной самонадеянности.

Вадим Лебедев даже не обернулся. Его не интересовали поверженные враги, как инженера-испытателя не интересуют сломанные во время стресс-теста бракованные шестеренки. Он засунул руки в карманы потертой темно-серой ветровки из плотной синтетики — обычной земной куртки, купленной когда-то на распродаже туристского снаряжения еще до инициации Первой Волны Системы, — и мерным, размеренным шагом пересек границу портала.

Никаких ритуалов. Никаких активаций защитных амулетов за тысячи золотых монет. Никаких тяжелых пластинчатых доспехов из огнеупорного адамантия, покрытых тройным слоем крио-рунической вязи, без которых даже топовые танки Серного Синдиката не рисковали подходить к этому разлому ближе чем на сотню шагов.

Пространственная пленка натянулась, зашипела, коснувшись невидимой границы вокруг тела человека, и с влажным чавканьем разорвалась, пропуская его внутрь.

[Внимание! Вы вошли в изолированную рейдовую зону ранга С: «Пещеры Магмы»!]

[Права владения локацией: Синдикат «Владыки Пламени» (Статус оспаривается).]

[Рекомендуемый уровень экспедиции: 55–60.]

[Рекомендуемый состав группы: 5 человек (Танк защиты от огня V ранга, 2 мага крио-стихии, целитель с аурой очищения от шлаков, следопыт).]

[Внимание! Зафиксировано аномальное превышение базовых параметров среды!]

Перед глазами Вадима тут же развернулась привычная сетка интерфейса. Цифры, выкрашенные в тревожный багрово-алый цвет, замелькали перед мысленным взором с бешеной скоростью.

[Параметры окружающей среды:]

— Температура атмосферы: +1240 °C

— Состав газовой смеси: 42% пары серы, 28% углекислый газ, 18% монооксид углерода, 8% пары тяжелых металлов, 4% остаточный кислород

— Эффект зоны: «Адское Пекло» (Ранг С)

— Воздействие: Нанесение 350 единиц непрерывного термического урона в секунду любому органическому объекту без профильной защиты. Разрушение снаряжения с прочностью ниже ранга В со скоростью 5% в минуту. Необратимое выжигание легочной ткани при первой же попытке вдоха.

Обычный человек — да что там человек, стандартный паладин пятидесятого уровня в зачарованной броне — превратился бы здесь в обугленную головню за три удара сердца. Жидкая органика вскипела бы, разорвав кровеносные сосуды, доспехи приварились бы к мясу, а глаза вытекли бы мутными каплями по обугленным щекам.

Но Вадим просто вдохнул.

Воздух, наполнивший его легкие, пах чистой, морозной свежестью альпийского утра, смешанной с едва уловимой ноткой лабораторного озона.

[Диагностика личного контура:]

- Навык: «Криостатический Вакуумный Кокон» (Пассивный режим)
- Толщина изолирующего слоя: 500 мм
- Зона 1 (Внешняя граница): Глубокий вакуум (Давление: 10^{-8} Па). Кондуктивный теплообмен: 0.00%. Конвективный теплообмен: 0.00%
- Зона 2 (Интерференционная решетка): Отражение инфракрасного спектра — 99.98%
- Температура среды снаружи: +1240 °C
- Температура внутри кокона Вадима: +21.4 °C
- Относительная влажность: 48%
- Защита: СТАБИЛЬНА
- Расход маны: 0.00 ед./сек. (Полная компенсация за счет эффекта термоэлектрического преобразования Зеебека на внешнем квантовом градиенте).

Вадим усмехнулся краешком губ. Система, созданная непостижимым внеземным разумом, оперировала понятиями «стихийного сопротивления», «магической защиты» и «огнеупорных баффов». Она заставляла миллионы игроков бегать за редкими кольцами из синего орихалка и варить зелья из ледяных жаб, чтобы поднять резист к огню на жалкие тридцать процентов.

Но Система все еще работала внутри физической Вселенной. А законы термодинамики плевать хотели на магические ярлыки.

Тепло не могло передаваться через теплопроводность, потому что в полуметре вокруг Вадима не было ни единой молекулы вещества — абсолютный вакуум служил непреодолимой стеной для кинетической энергии атомов. Тепло не могло передаваться конвекцией, потому что раскаленные газы просто обтекали невидимую сферу отрицательного давления, не имея физической возможности соприкоснуться с его одеждой. А электромагнитное излучение инфракрасного диапазона натывалось на квантовую решетку микроскопических вихрей Бозе-Эйнштейна, которые перехватывали фотоны тепла, мгновенно сбивали их спин и превращали их энергию в стабильный ток внутри биоматрицы самого инженера.

Чем жарче было снаружи, тем стабильнее и плотнее становился его кокон. Адское пламя подземелья само оплачивало счет за собственную изоляцию.

Вадим сделал шаг вперед.

Под его подошвой заскрипели хрупкие базальтовые плиты. Это была широкая, уходящая вниз наклонная терраса, вырубленная прямо в черной вулканической породе. Слева отвесно вздымалась стена, по которой широкими, ленивыми ручьями стекала жидкая магма цвета спелого апельсина. Справа зияла бездонная пропасть, на дне которой бурлило целое озеро расплавленного камня. Оттуда с глухим, чавкающим ревом вырывались гигантские пузыри размером с двухэтажный дом; лопаясь, они выбрасывали в воздух фонтаны светящихся капель, которые остывали на лету и падали обратно дождем из черного обсидианового гравия.

Воздух дрожал и вибрировал, искажая перспективу, словно Вадим смотрел на мир через толщу неровного расплавленного стекла. Но в полуметре от его носа эта оптическая иллюзия резко обрывалась: граница вакуумного пузыря отсекала марево идеальной геометрической сферой, внутри которой видимость оставалась кристально четкой, а воздух — прозрачным и неподвижным.

Впереди, на перегибе тропы, зашевелилась масса.

Это не были гуманоиды или звери. Из трещины в базальте, прямо из kloкочущей струи лавы, начали выползать бесформенные, пульсирующие сгустки размером с крупного вола. Их поверхность переливалась золотом и алым, изнутри просвечивало ослепительно белое ядро чистого пламени, а вместо глаз на полужидких мордах тлели точки перегретого кремния.

[Опознание цели:]

— Лавовый Слайм-Пожиратель (Элитный монстр ранга С-)

— Уровень: 54

— Здоровье: 18 500 / 18 500

— Физическое сопротивление: 95% (Аморфное тело)

— Иммуитет: Огонь, Земля, Кислота, Кровотечение, Оглушение

— Уязвимость: Холод (x3)

— Особенность: «Всплеск магмы» — при контакте взрывается, разбрызгивая жидкий камень с температурой +1500 °C в радиусе 10 метров.

Их было шесть. Почувствовав чужеродное присутствие, слаймы синхронно развернулись в сторону одинокого силуэта. Обычные рейдеры в этот момент выстраивали бы оборонительное каре: танк выставлял бы ростовой щит с охлаждающим плетением, удерживая агро, маги за его спиной лихорадочно вычерчивали бы сложнейшие трехмерные печати «Ледяных Копий» или «Бурана», стараясь сбить температуру тварей до того, как они пойдут на таран. Потому что если такой слайм добирался до строя, его взрыв плавил адамантиевые кирасы вместе с костями их владельцев.

Слаймы взревели — если можно назвать ревом утробное бульканье тонны закипающего базальта — и волнообразно метнулись вперед. Их скорость для аморфных созданий была поразительной: они не ползли, они буквально скользили по раскаленной тропе, оставляя за собой борозды дымящегося шлака.

Вадим даже не вынул рук из карманов. Он просто продолжал идти с прежней скоростью — шаг за шагом, сохраняя темп прогулочного моциона по парку.

Первый слайм, разогнавшись, совершил яростный прыжок. Тонна расплавленной магматической массы взмыла в воздух, расправляясь в воздухе подобием огненного купола, готового поглотить человека целиком, вплавить его плоть в свой пылающий желудок.

Расстояние: два метра. Полтора метра. Один метр.

Слайм пересек внешнюю границу полуметрового кокона Вадима.

В ту же секунду законы существования монстра перестали функционировать.

В вакуумном зазоре не было тепла, но там действовал градиент энтропийного поглощения. Вадим не «атаковал» магией холода. Он не создавал лед — лед был лишь следствием, материальной формой отсутствия тепла. Он просто активировал абсолютный сток кинетической энергии.

Температура внешнего слоя слайма упала с +1400 °C до абсолютного нуля за три десятитысячных доли секунды.

Раздался не взрыв и не грохот. Раздался жуткий, сухой, металлический щелчок — звук, с которым при чудовищном термоударе мгновенно рвутся межатомные связи кристаллической решетки.

Огненно-красная полужидкая капля на лету потеряла свое свечение. Багрянец сменился грязно-бурым, бурый — пепельно-серым, а затем поверхность слайма мгновенно остекленела, превратившись в угольно-черный, матовый базальт, мгновенно покрывшийся сетью тончайших белых трещин. Термическое сжатие было настолько колоссальным, что внешний панцирь монстра сковало чудовищным давлением в тысячи атмосфер, в то время как внутреннее ядро еще пыталось расширяться.

Но и до ядра волна энтропии докатилась за долю мгновения.

Тонна кипящей лавы за доли секунды превратилась в монолитную глыбу пористого шлака и гранита с внутренней температурой минус двести шестьдесят градусов Цельсия.

Потеряв импульс и законы гидродинамики, замерзший монолит рухнул к ногам Вадима. Удар о базальтовую тропу.

Дзынь!

Звук был похож на падение тончайшей хрустальной люстры на бетонный пол. Огромный кусок камня не покатился — он разлетелся на миллионы мельчайших черных осколков, острой гранитной пыли и стеклянных крупниц, которые с сухим шелестом брызнули во все стороны. Никакого пламени. Никаких брызг магмы. Никакого урона.

[Уничтожен: Лавовый Слайм-Пожиратель (Уровень 54)]

[Получено опыта: 12 400]

[Эффект «Мгновенная декристаллизация»: получено редкое сырье — Сердечник Витрифицированной Магмы (Качество: Идеальное)]

[Температура среды: +1240 °С. Температура внутри кокона: +21.4 °С. Защита стабильна.]

Оставшиеся пять слаймов, повинаясь примитивным инстинктам подземелья, не умели испытывать страх, но их программа поведения дала катастрофический сбой. Они накатывали единой волной, пытаясь захлестнуть тропу, превратить ее в реку огня.

Вадим просто шел вперед.

Он наступал прямо на накатывающие огненные волны. Каждый раз, когда аморфная масса приближалась к нему на расстояние пятидесяти сантиметров, происходило одно и то же: невидимый барьер встречал стихию абсолютным, беспощадным покоем. Бурлящая, плюющаяся искрами лава с тихим, сухим шелестом выцветала, теряла свечение, затвердевала прямо в движении и осыпалась под его подошвами серым гранитным гравием.

Хруст. Хруст. Хруст.

Лебедев шагал по тропе, и под его ботинками звенели обломки того, что еще секунду назад считалось кошмаром элитных рейдовых групп. Пять элитных монстров ранга С- перестали существовать менее чем за десять секунд, не заставив человека даже вытащить руки из карманов или замедлить дыхание.

[Уничтожен: Лавовый Слайм-Пожиратель (Уровень 54)]

[Уничтожен: Лавовый Слайм-Пожиратель (Уровень 55)]

[Уничтожен: Лавовый Слайм-Пожиратель (Уровень 53)]

...

[Штраф за одиночное прохождение: Отсутствует. Активирован бонус: «Абсолютное Доминирование Стихии». Получен дополнительный опыт: +50%]

Тропа плавно сворачивала вправо, огибая циклопический сталагмит из черного обсидиана, толщиной с водонапорную башню. За ним открывалось следующее пространство подземелья — так называемый Зал Базальтовых Колонн.

Здесь температура подскочила еще выше.

[Внимание! Изменение параметров среды!]

— Температура атмосферы: +1380 °С

— Концентрация паров серы превышает критическую норму в 12 раз.

— Зафиксирована активность высокоранговых эндемиков пламени.

Зал представлял собой исполинскую пещеру, своды которой терялись где-то в высоте, затянутые густым, багрово-черным смогом. Из озера лавы, занимавшего почти всю площадь зала, поднимались сотни шестигранных базальтовых колонн разной высоты. Некоторые из них были затоплены наполовину, другие возвышались над огненной гладью на десятки метров. Единственный путь вперед лежал через эти каменные столбы — прыгать с одного на другой, рискуя сорваться в кипящий ад при малейшей ошибке в балансировке.

В обычных условиях группы «Владык Пламени» тратили на преодоление этого зала до двух часов. Здесь работали акробаты и следопыты: они натягивали тросы из термостойких волокон шелка огнепауков, закрепляли карабины, медленно переправляли закованных в броню танков, пока маги без усталости накладывали заклинания левитации и гашения тепловых восходящих потоков.

Потому что на колоннах жила смерть.

На гладких вертикальных гранях базальта, наполовину погруженные в кипящую лаву, неподвижно застыли длинные, гибкие тени. На первый взгляд они казались наростами застывшей породы или причудливыми минеральными жилами. Но при приближении Вадима эти жилы начали разгораться внутренним, фосфоресцирующим белым светом.

[Опознание цели:]

— Пещерная Огненная Саламандра (Ранг С, Засадный хищник)

— Уровень: 58–60

— Здоровье: 34 000 / 34 000

— Броня: Чешуя из закаленного пироксена (Снижение любого физического урона на 70%)

— Способности: «Хлыст магмы», «Плевков перегретой плазмы» (Урон огнем: 4 500 ед.), «Камуфляж раскаленной скалы».

— Скорость атаки в родной стихии: Экстремальная.

Четырехметровые рептилии с широкими, плоскими головами, лишенными глаз, и мощными когтистыми лапами не использовали обычное зрение. Их сенсорная система была настроена исключительно на тепловое излучение. В этом inferнальном аду любая живая добыча — будь то заблудившийся путник или неосторожный монстр другого вида — сияла в инфракрасном диапазоне как сверхновая звезда на фоне ночного неба.

Но когда их терморесепторы сфокусировались на приближающемся объекте, в их примитивных нейронных узлах возник системный парадокс.

Там, где шагал человек, не было тепла.

Хуже того — там не было даже нормального фонового тепла пещеры. В инфракрасном спектре Вадим Лебедев выглядел не как живое существо и даже не как кусок холодной скалы. Он выглядел как абсолютная, зияющая дыра в ткани реальности. Черная дыра нулевой энтропии, не излучающая ни одного инфракрасного фотона. Пятно абсолютного небытия посреди океана яростного огня.

Этот сенсорный провал взбесил хищников сильнее, чем открытая атака. Нарушение фундаментального закона их среды обитания требовало немедленного уничтожения аномалии.

С резким шипением, напоминающим звук опускания раскаленного железа в чан с маслом, три саламандры сорвались со своих насестов. Их чешуя вспыхнула ослепительным магнием. Мощные хвосты хлестнули по поверхности лавового озера, вздымая волну раскаленных брызг, и твари метнулись к тропе, двигаясь с пугающей, неестественной для столь массивных созданий грацией.

Первая рептилия распахнула пасть. В глубине ее глотки, выстланной жаропрочной мускулатурой, вспыхнул ослепительный белый сгусток. Это был не просто огонь — это была струя концентрированной плазмы, перегретой внутренней железой до температуры плавления вольфрама.

Струя толщиной с человеческую ногу ударила в Вадима с расстояния в десять метров.

Зрелище было бы фатальным для любого топ-игрока. Такой концентрированный залп прожигал алмазные башенные щиты за две секунды, оставляя на месте защитника лужу светящегося шлака.

Вадим даже не моргнул. Он продолжал спокойно смотреть вперед, слегка прищурившись от яркой вспышки.

Плазменный луч преодолел расстояние за долю секунды, рассекая воздух со звуком разрывающейся ткани, и... врезался в невидимую полуметровую границу.

То, что произошло дальше, противоречило всей магии и биологии подземелья.

Луч не взорвался. Он не отскочил рикошетом. Он не растекся по магическому куполу, как это бывает при столкновении со стихийными барьерами.

В тот момент, когда плазма вошла в зону квантового термодинамического стока, ее электроны мгновенно потеряли кинетическую энергию возбуждения. Температура упала на миллион градусов в микросекунду. Ионизированный газ схлопнулся обратно в нейтральные атомы, а эти атомы, лишенные теплового движения, мгновенно сконденсировались в твердую фазу прямо в полете.

Вместо всесокрушающего пламени сквозь границу барьера просыпалась безобидная горсть тончайших, черных, как смоль, обсидиановых игл.

Они глухо застучали по камням у ног Вадима, перекатываясь, как сухой бисер. Некоторые коснулись его синтетической куртки, оставив лишь легкий след серой пыли, и осыпались вниз.

[Атака нейтрализована: «Плевок перегретой плазмы»]

[Энергетический баланс: +1200 кДж поглощено и конвертировано в резервную емкость биоматрицы]

[Урон владельцу: 0]

Саламандра захлебнулась собственным шипением. Лишенная глаз морда дернулась, но инерция атаки уже несла ее массивную четырехметровую тушу вперед. Расправив когтистые лапы, монстр прыгнул прямо на человека, надеясь раздавить его весом и разорвать челюстями из закаленного базальта.

Она летела прямо в его сферу.

— Ошибка наведения, — сухо прокомментировал Вадим.

Саламандра пересекла барьер головой вперед.

Это была биологическая форма жизни, чье существование целиком зависело от сверхвысоких внутренних температур. Ее кровь была жидким магматическим раствором, ее сердце представляло собой пульсирующее пиро-ядро, ее мышцы сокращались за счет термохимических реакций колоссальной мощности. Огонь был для нее не оружием — он был самой ее жизнью.

И эта жизнь оборвалась в тот момент, когда ее морда вошла в полуметровый вакуумный объем Лебедева.

Температурный удар обратной полярности.

Кровь внутри сосудов саламандры не просто остыла — она мгновенно кристаллизовалась, превратившись в твердые силикатные иглы, которые разорвали внутренние органы изнутри. Сердце-ядро, лишенное притока тепловой энергии, испытало фазовый переход первого рода: пламя погасло, сжавшись в крошечную точку, а затем рассыпалось серым шлаком.

Чешуя из пироксена, рассчитанная на температуры свыше тысячи градусов, при падении до абсолютного нуля потеряла всякую эластичность. По телу монстра прокатилась глухая, вибрирующая трещина.

Зверь влетел в зону барьера живым, пылающим титаном пещер.

А вылетел с другой стороны — уже мертвой, окоченевшей гранитной статуей.

По закону сохранения импульса окаменевшая туша саламандры рухнула на тропу прямо перед Вадимом. От удара тяжелый гранитный монолит раскололся пополам: передняя часть раскрошилась на угловатые булыжники, из которых не вытекло ни капли крови — лишь посыпался серый, совершенно сухой минеральный порошок. На сломе отчетливо виднелась слоистая структура камня, похожая на срез геодезического образца в геологическом музее.

Остальные две саламандры, уже начавшие разгон, затормозили всеми четырьмя лапами, сдирая когтями базальтовую породу и высекая снопы искр.

У них не было разума в человеческом понимании. Они были порождениями Системы, запрограммированными на агрессию и уничтожение любого нарушителя границ их логова. Но фундаментальные законы биологии оказались сильнее системных скриптов: впервые за сотни циклов своего существования огненные твари почувствовали *холод*.

Не просто прохладу ледяного заклинания, с которым можно бороться, раздувая внутреннее пламя. Они почувствовали пустоту. Бездонную, ненасытную, космическую бездну, которая высасывала саму суть их естества без остатка, не оставляя взамен ничего.

Твари взвыли — пронзительно, жалобно, тонко, как скулят ошпаренные щенки. Они начали судорожно пятиться назад, скребя когтями по остывающему камню, пытаясь уползти обратно в спасительную глубину лавового озера.

Вадим даже не ускорил шаг.

Он просто протянул правую руку вперед, чуть приоткрыв ладонь.

— Куда? Эксперимент еще не завершен. Замер теплоемкости биологических тканей на градиенте второго порядка.

Вокруг его пальцев закружилась едва заметная рябь. Это не было заклинанием — в окне статуса не замигала шкала произнесения чар. Это была прямая манипуляция энтропийным вектором, доступная лишь тем, кто сумел взломать базовый интерфейс Системы и добраться до исходного кода физических констант.

Вектор тепла внутри тел отступающих саламандр развернулся вспять.

Обычно тепло переходит от более нагретого тела к менее нагретому. Вадим принудительно замкнул термодинамический цикл, создав локальную область с отрицательной абсолютной температурой по шкале Кельвина.

Лава под лапами рептилий мгновенно потемнела. Жидкий камень покрылся коркой, затем остекленел, превратившись в черное зеркало. Саламандры забились, их чешуя начала осыпаться пеплом, обнажая окаменевшее мясо. Секунда — и обе твари замерли в неестественных, скрюченных позах, превратившись в два безупречных гранитных изваяния, навеки застывших в безмолвном крике ужаса.

Хрусь.

Вадим прошел мимо ближайшей статуи, слегка задев ее плечом своего кокона. От легчайшего касания гранитная морда бывшей элитной твари отломилась и со звоном упала на застывшую поверхность озера, расколовшись на десяток аккуратных щебневых обломков.

[Уничтожена: Пещерная Огненная Саламандра (Уровень 59)]

[Уничтожена: Пещерная Огненная Саламандра (Уровень 60)]

[Получено опыта: 48 000]

[Редкая добыча: Неповрежденное Окаменевшее Сердце Саламандры (Ранг С +) x2]

[Добыча автоматически перемещена в пространственный инвентарь]

Интерфейс продолжал методично отсчитывать цифры, но Вадим лишь смахнул полупрозрачные окна в сторону. Его взгляд был устремлен вперед — через ряды базальтовых колонн, прямо к циклопическому разлому в дальнем конце зала.

Там, за завесой кипящих газов, начинался спуск на нижний ярус — в Чертог Иффрита, куда даже рейдовые группы из топ-двадцать гильдий континента заходили только после многомесячной подготовки, неся с собой запатентованные крио-артефакты легендарного качества и теряя людей десятками.

А Вадим Лебедев просто шел.

В старой куртке, с руками в карманах. Вокруг него на сотни метров простирался ревущий океан жидкого пламени с температурой за тысячу градусов, воздух был пропитан ядом и смертью, а под ногами плавился камень.

Но внутри его полуметрового кокона термометр неизменно показывал комфортные двадцать один и четыре десятых градуса Цельсия. Легкий ветерок шевелил прядь его волос, пахло свежестью, и ни одна пылинка расплавленного шлака не смела коснуться подошв его ботинок.

Синдикат «Владыки Пламени» объявил ему тотальную вендетту. Они назначили награду за его голову и пообещали сварить его кости в котле своего величия.

Они просто забыли, что в споре между яростью огня и абсолютным нулем Вселенная всегда выбирает покой.

И Вадим был тем, кто нес этот покой в самое сердце их пылающего мира.

Глава 5. Хрупкость каленой стали

Базальтовый спуск уходил в багровые сумерки подземного мира под углом почти в сорок пять градусов. С каждым шагом ступенчатые уступы становились все более покатыми, оплавленными тысячелетиями непрерывного жара, превращаясь в гладкий, стеклянистый обсидиан.

Воздух здесь уже не просто обжигал — он вибрировал от чудовищного давления и плотности термальных потоков. Любой обычный игрок даже пятидесятого уровня, не обладая он специализированным артефактным снаряжением с глухой изоляцией от стихии Огня, за считанные секунды получил бы здесь тяжелейший дебафф [Термический ожог дыхательных путей: IV степень], сопровождающийся ежесекундной потерей полутора тысяч единиц здоровья и неотвратимым иссушением запаса маны.

[Внимание: Вы входите в локацию с экстремальной температурой окружающей среды (+480 °C).]

[Внимание: Плотность паров серы и вулканических газов превышает предельно допустимую норму на 840%.]

[Действие аномального фактора нейтрализовано персональным температурным градиентом.]

Вадим даже не моргнул, пропуская системные строки мимо сознания. Полупрозрачные строчки золотисто-алого интерфейса растаяли на периферии зрения, сменившись привычной, успокаивающей сеткой термодинамического сканирования.

Его личный мир — идеальная сфера радиусом ровно в полметра — продолжал сохранять неизблемые двадцать один и четыре десятых градуса Цельсия. Граница между адом и комфортабельным уютом выглядела как едва заметное оптическое преломление, тончайшая дрожащая пленка, где яростный конвекционный хаос встречной среды мгновенно гасился, отдавая свой импульс энтропийному поглотителю его ядра. Снаружи в эту невидимую оболочку беззвучно бились клубы раскаленной сажи и брызги кипящей смолы, стекавшей со сводов, но стоило им коснуться границы, как их кинетическая энергия мгновенно обнулялась, осыпаясь на черный камень безвредным, едва теплым пеплом.

Тоннель расширился, открывая вид на огромную подземную каверну — так называемую Преддверную Галерею Иффрита. Внизу, в двухстах метрах под обрывом, неторопливо катила свои густые, ослепительно-желтые волны река жидкого базальта. Из ее глубин периодически вырывались исполинские пузыри перегретого газа, лопавшиеся с глухим, утробным грохотом, сотрясавшим монолитные своды пещеры. С потолка свисали сталактиты из застывшего за столетия огнеупорного шлака, напоминающие зубы гигантского доисторического чудовища.

Вадим шел спокойно, засунув руки в карманы потертой холщовой куртки. Его шаги по стеклянистому обсидиану отдавались сухим, четким ритмом.

И на третьем десятке шагов этот ритм натолкнулся на встречную вибрацию.

Слишком правильную. Слишком слаженную для слепых подземных монстров или случайных сейсмических толчков.

Впереди, за массивным выступом застывшей магматической породы, перекрывавшим добрую половину прохода, висела мертвая, неестественная тишина. Но для Вадима скрыться было невозможно. Человек, оперирующий понятиями абсолютной термодинамики, воспринимал мир не глазами и не банальным интерфейсным радаром. Он «видел» распределение тепла.

И прямо сейчас за скальным уступом концентрировалась аномалия. Не стихийная, рассеянная масса пещерного пламени, а двенадцать четко очерченных, антропоморфных тепловых очагов. Температура их тел была искусственно взвинчена боевыми бафами, алхимическими стимуляторами и зачарованной экипировкой до трехсот-четырёхсот градусов. Их ауры переплетались, образуя плотную тактическую цепочку — типичную полусферу перехвата.

«Владыки Пламени», — мысленно констатировал Вадим, даже не замедлив шага. — «Оперативно. Десяти минут не прошло с момента гибели их передовых дозорных на озере, а они уже развернули ударную группу прямо на горловине спуска».

Шорох за спиной. Сверху, с узких базальтовых карнизов, бесшумно соскользнули четыре тени, отрезая единственный путь к отступлению.

Впереди из-за скального гребня слаженно, как единый механизм, выступили еще восемь тяжеловооруженных бойцов.

Они не тратили время на пустые предупреждения или пафосные клише из дешевых голографических сериалов. Это были матерые, прожженные ПК-шники из специального карательного крыла синдиката — псы войны, натасканные на ликвидацию одиночных рейд-лидеров и перехват ценных курьеров. На их наплечниках и нагрудниках тускло багровел герб «Владык»: сжатый кулак, обьятый стилизованными языками коронарного пламени.

Вся группа была укомплектована по высшему разряду для условий глубинных рейдов. Никакой легкой ткани или ненадежной кожи. На бойцах первой линии красовались монолитные ростовые щиты-павезы, отлитые из так называемой «вулканической бронзы» — сплава с колоссальным порогом поглощения температурного урона. Щиты были зачарованы рунами смещения кинетического вектора и сцеплены между собой короткими цепями, формируя глухую непреодолимую стенку, сквозь которую не пробился бы и таран осадного голема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.